

РЕТРО-
ДЕТЕКТИВ

ПОСЛЕ МАСКАРАДА

ЮЛИЯ ЛИ

Ретро-детектив Юлии Ли

Юлия Ли

После маскарада

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ли Ю.

После маскарада / Ю. Ли — «Эксмо», 2021 — (Ретро-детектив Юлии Ли)

ISBN 978-5-04-159347-6

1927 год. Москва. Расцвет нэпа, кооперативов, трестов, воровства и мошенничества. Следователь Мезенцев из губсуда, судмедэксперт профессор Грених и стажер Петя Воробьев отправляются на выезд в квартиру, где найдены мертвыми фининспектор и беглый вор-рецидивист. Оба погребены под слоем черной пены, похожей на угольную дымку, – обугленный серной кислотой сахар. Грабитель в маске применил гипноз, проникнув в квартиру простого служащего. Ни хозяин, ни убитые не были друг с другом связаны. Но в отчетности райфинотдела обнаруживают многие экономические нарушения, которые были раскрыты только благодаря этому случаю. Газеты торопятся объявить убийцу народным мстителем, но Грених подозревает, что не все объясняется так просто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159347-6

© Ли Ю., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Балаганчик на Арбатской площади	13
Глава 2. Раппóрт	20
Глава 3. Пьеро-Коломбина	26
Глава 4. Институт имени Сербского	33
Глава 5. Второй «последний день Помпеи»	44
Глава 6. Гостиатр Всеволода Мейерхольда	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юлия Ли

После маскарада

© Ли Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Пролог

– Ну-ка, все расступились по-хорошему! Чего толкотню создаете, мешаете дознанию, – рыкнул старший следователь Московского губсуда Мезенцев на столпившихся у дома № 2А в Трехпрудном переулке.

Чуть ли не локтями растолкав толпу, он нырнул в парадную дверь, ютящуюся под треугольным портиком и зажатую меж двумя полуколоннами. В старом грязно-канареечном френче с отвисшими карманами, брюках галифе и сапогах, выглядел Мезенцев по-военному угрожающе.

За ним следовал судмедэксперт – профессор Грених и стажеры: Петя Воробьев, студент медицинского факультета – светловолосый, восторженный, двадцати пяти лет, на вид совсем юноша, и Леша Фролов с карандашом за ухом и планшетом для глазомерной съемки под мышкой.

Двойное убийство, которое привело их сюда майским днем 1927 года, подняло на уши весь дом – жильцы высыпали из квартир на ступеньки, как консервированный горох из жестянки. На лестнице Мезенцев продолжал прокладывать себе путь локтями. Жильцы расступались, говорить прекращали, только когда судебные работники шли мимо, и таким образом возникала волочившаяся за ними звуковая волна, словно из плохого радиоприемника. Люди стояли на площадках, на ступеньках, они явились из соседних домов.

Все хотели видеть место преступления, поразительно походившее на последний день Помпеи. Случилось нечто совершенно невиданное – какие-то чужие хозяину квартиры люди оказались погребенными под слоем черной пены посреди гостиной. Их будто настигло извержение вулкана в час веселого застолья. В отсутствие вулкана в доме это было по меньшей мере странно.

– Буржуйка взорвалась. Или «пчелку» топил, – говорили одни.
– Он, видно, решил разжечь камин! – предположили другие.
– Да нет уже в помине там никакого камина.
– Не буржуйка это и не камин, – вырвался вперед рыжеволосый мальчишка в тельняшке из квартиры напротив. – Угорели они от паленого самогону. А что? Так бывает! Черные оба – я видел.

Мезенцев, прибывший первым и порядком уставший от внимания соседей, взял мальчишку за оба плеча и бесцеремонно переместил в сторону. Он очень спешил провести следственную команду на место преступления до того, как любопытная толпа смешает все улики.

Квартирка была небольшой, но жильца по неизвестным причинам уплотнять не стали, жил он один, имея свой туалет с ванной. Жил тихо, неприметно, работал в кинотеатре не то кассиром, не то бухгалтером, пока не случилось с ним вот такое.

Миновав тесную прихожую, следователь и медик вошли в гостиную, и Грених наконец разглядел, из-за чего сыр-бор. Взгляд тотчас приковал круглый стол под длинной льняной, вышитой гладью скатертью, уставленный дорогими ликерами и хрусталем. Над ним висела зажженная бронзовая люстра с керамическим абажуром бирюзового цвета. Вокруг расставлены венские стулья в аккуратных чехлах.

С левой стороны стола стекала на слегка отставленный стул черная застывшая масса. Со стула она свисала к полу и растекалась угольной пузырчатой горкой на ковре. Не сразу можно было понять, что это странное лавовое облако имело слабые очертания человека, который сидел на стуле, уронив руки и голову на стол.

– Серная кислота с сахаром, – Грених инстинктивно задержал дыхание. В комнате с единственным окном, которое выходило на балкон, стоял стойкий кислотно-душающий запах произошедшей химической реакции.

– С чем-чем? – Воробьев сверкнул на мгновение юношеской, озорной улыбкой, но посерьезнел, осознав, что места веселью здесь нет, и судорожно застрочил в блокноте, вынутом из-за пазухи. Одет он был в черную кожаную куртку, протертую на локтях и воротнике, под ней неизменно накрахмаленная белая сорочка со значком «РКСМ» на груди.

– Вот оно что, – бросил за спину старший следователь, тоже морщась. – Вы полагаете?

– Очень похоже, – и Грених рассказал, как в детстве они баловались с братом, смешивая в кухне сахарную пудру с концентрированной серной кислотой и наблюдая, как из сосуда, дымившегося и смердевшего кислым, выползает страшный черный монстр. Будто живой, он шевелился и потрескивал, тянулся к детским любопытным мордашкам, норовя тяпнуть за нос. Наверное, не было такого мальчишки, который не пробовал смешивать многоцветные химикалии, стянутые из кабинета естественных наук в гимназии. Но опыт с сахаром и серной кислотой оставался самым зрелищным.

Мезенцев слушал, стоя вполоборота, заложив руки за спину и поглядывая на Грениха стальным взглядом искоса. Было ему за пятьдесят. Решительный, резкий, прошедший огонь и воду германской войны и революции, старый большевик, который, как и Грених, начинал свой революционный путь еще в кружках зарождавшегося «Союза освобождения», по образованию военный инженер. В народную милицию пошел, полагая, что служба его в угрозыске станет временной, но по особому распоряжению наркома юстиции перевелся в Мосгубсуд в 1923-м, так в нем и остался.

Говорил он сквозь зубы, преодолевая спазм в левой щеке и бесконечно проводя рукой с обрубленными мизинцем и безымянным пальцем по гладким, зачесанным назад волосам некогда красивого каштанового цвета, ныне погребенного под пеплом седины. Лоб у него был низкий, обезьяний, нависающий на глаза, и он все норовил его открыть.

– Кто бы мог подумать, Сергей Устинович, сахар с серной кислотой! – покачал головой Леша Фролов, усевшись на корточки в углу между торшером и полками, доверху набитыми журналами и подшивками газет.

Положив на коленку деревянный планшет и сдвинув кепку на кудрявый затылок, он принялся вычерчивать план квартиры. Карандаш в его руке так и носился по бумаге. В глазомерной съемке ему – выпускнику строительного факультета, мобилизованному из-за нехватки кадров на общественную помощь в Губсуд, – не имелось равных. Числился он стажером, но фактически был за помощника следователя. Работал самоотверженно, комсомолец, метил в судебные сотрудники.

– Где они сахара столько раздобыли? – медленно прохаживаясь, буркнул следователь. – Сколько здесь, по-вашему, Константин Федорович? Пудов пять, не меньше?

Пристальным, будто из перископа, взглядом он обводил завешанные гобеленами стены не тронутой перепланировкой и по-старому уютной комнаты. Оглядел почерневшую лепнину, буржуйку в правом от балконной двери углу, вишневого цвета шторы, парящих павлинов на абажуре люстры.

– Это только кажется, что много, – отозвался Грених. – Пены получается в несколько раз больше, чем было исходного материала реакции.

Профессор обошел стол и наткнулся на еще одну горку черной массы, которую было не разглядеть со входа из-за длины скатерти. Труп свернулся калачиком, на мгновение показалось, что его сожгли в серной кислоте живьем, но Константин Федорович отменил эту мысль – понятное дело, что жертва извивалась бы, пачкая все кругом, а ковер был не тронут, лишь тонкие струйки будто карамельного сиропа растекались от ног и головы покойника блестящими дорожками. Видно, сахар, перед тем как смешивать с кислотой, растворили в воде, чтобы реакция наступила скорее.

– Надо искать, где на складах случилась недостача, – вставил Воробьев.

– А вообще, конечно, затейливый способ сделать трупы неопознаваемыми. Дактилоскопу здесь делать нечего – никаких отпечатков, – прицокнул языком Леша, вычерчивая линии. – И ведь не жалко продукта! Это сколько стаканов сладкого чая погублено!

– Посуда нетронута, приборы слегка покрыты пылью – так бывает, когда она подолгу лежит в поставце. Ликеры все закупорены, – Воробьев почесал карандашом затылок. – Это какое-то постановочное убийство. Затейливое. С загадкой. Уж точно не бытовое...

– Пока свидетель не заговорит, головы ломать рано, – сурово оборвал его Мезенцев.

В дальнем углу на табурете у двери, ведущей в спальню, сидел трясущийся человек в летнем сатиновом костюме, одетом впопыхах. Грених заметил неправильно застегнутый жилет, криво сидящую манишку, из-под которой проглядывали бледная морщинистая шея с глубокой яремной впадиной и острая ключица. Розовая лысина в венце седых волос блестела под лучом майского солнца, настырно пробившегося в небольшую прореху в шторе. Человек дрожал, пытаясь совладать с невольным подпрыгиванием колен, которые заставляли плясать стиснутые ладони, и одновременно жмурился, пытаясь спрятаться от света.

Оставив разглядывать хозяина квартиры, Грених приступил к своим прямым обязанностям. Его не касались причины и мотивы преступления – это дело следователя. Он обязан лишь сделать первичный осмотр тел и дать свои показания для протокола.

Стянув со скатерти нож и вилку, Константин Федорович отбросил полы своего английского военного тренкота и присел на корточки, начав с тела, что было на полу. Черная угольная масса под натиском столовых приборов неохотно, со скрипом начинала отваливаться кусками, обнажая жженые волосы, скукоженную, белую, будто сваренную, кожу лба.

Некоторое время он диктовал, а Петя, положив поверх блокнота бланк протокола, записывал.

– Под воздействием экзотермической реакции тела плавилась, поэтому ковырять их дальше лучше в морге, – Грених отложил на стол нож и вилку. – Сейчас поторопимся, и пену эту вместе с кожей начнем снимать. И без того кислота сделала лица жертв почти не опознаваемыми. Могу лишь сказать, что смерть того, что сидит, наступила часов двенадцать, может, восемнадцать назад.

Мезенцев, наблюдавший за действиями Грениха, стоя у книжных полок с заведенными за спину руками, дернул щекой и провел пальцами по загривку.

– Шкловский, – каркнул он в сторону хозяина квартиры. – Когда, вы сказали, явился тот незнакомец?

Человек вскинулся, глаза его расширились, подбородок затрясся, на губах выступила слюна, он сильно покраснел от усилия, напряжился так, что руки на коленях заплясали чаще, голые пятки в бумажных носках принялись отбивать настоящую чечетку.

– Вы-вы-вы-я-я-я-от-от-от... – затянул он.

– Ну что ж вы опять за свое? Успокоились же было... – И Мезенцев обратился к Грениху: – Свидетель после всего этого сильно заикаться начал. Опросить его не могу. Одно только и выяснил, что вчера вечером к нему незнакомый человек в дверь позвонил. И записку оставил: «Милицию вызвать в 16:00». А что хотел, почему у него в квартире два обугленных трупа к утру появились – не выпытать никак. Надеюсь на вспомоществование. Заикание – это ведь ваш профиль?

Грених обратил взгляд к человеку. Тот посмотрел на Константина Федоровича снизу вверх жалобными глазами животного, приведенного на убой.

– Я-я-я-не-не...

Мезенцев обошел стол и положил тому руку на плечо.

– Товарищ Грених – не только профессор судебной медицины, он имеет опыт работы психиатром, специалист – каких не бывало. Я, знаете ли, сам в войну контузию получил такую

после удара по затылку, что тоже заикался, похуже вашего. Одна беседа с ним – и все как рукой сняло. Чудо! Истинное чудо науки.

Шкловского эти слова не слишком успокоили, он задрожал еще больше.

– Да что вы трясетесь, он вас и пальцем не тронет. Сами увидите! – и повернулся к Грениху: – Здесь сможете ваш этот сеанс провести? И чтобы недолго.

– Прямо здесь будет трудно, – профессор замялся, ощущая прежнюю никуда не девшуюся неловкость и боязнь, что гипноз именно сейчас не сработает. Это чувство возникало всегда, хотя с тех пор, как он впервые после неудачи с гипнозом в Преображенской психлечебнице, где служил ординатором еще до революции, взялся заново изучать гипнотерапевтический метод, прошло уже больше года и редко когда сеансы давали осечки.

Если бы он не заставил себя перебороть неуверенность, бедная Ася так и не заговорила бы. Именно этой хрупкой, но отважной девушке, которая теперь с успехом оканчивала первый курс химико-фармацевтического факультета 2-го МГУ, что возвышался купольной ротондой с мощной колоннадой на Малой Пироговской, Грених был обязан тому, что советская судебная медицина взяла на вооружение гипнотизм как новаторскую методику в изучении личности преступника и получении признаний от обвиняемых и свидетелей. Под гипнозом Ася не только заговорила, но и поведала обо всех тонкостях преступления, совершенного секретарем зелемской газеты, свидетелем которого невольно стала. Случай привлек внимание масс. Да столь скоро, что нынче Грених уже сейчас готовил очередную порцию лекций на основе курса Токарского «Терапевтическое применение гипноза» в Институте судебно-психиатрической экспертизы имени Сербского, куда окончательно перевелся, оставив должность сотрудника КСЭ¹ в пользу исследовательских работ.

Его метод не просто получил одобрение, он был с энтузиазмом подхвачен руководителем института Евгением Николаевичем Довбней и его замом Цецилией Мироновной Фейнберг. Открывались широкие просторы в изучении личности преступников, убийц и маньяков. Довбня наделил Грениха почти неограниченными полномочиями в грядущем исследовании. Сам Дзержинский, нарком внутренних дел и председатель ГПУ, еще до того памятного пленума ЦК в прошлом июле, после которого умер, лично вызывал Грениха к себе, дав понять, что идеей развить гипноз здесь, в России, где пока о нем слышали лишь от бродячих циркачей и заморских фокусников, заинтересован сам генсек Центрального Комитета партии. В Париже уже даже созывался гипнологический конгресс, на котором было принято постановление о введении изучения гипнотизма в преподавание медицинских наук. И только в России гипноза боялись и считали его шарлатанством.

Глава МУУРа Соколов, тотчас как узнал о возможности научиться использовать гипноз в следственных делах, прислал несколько своих инспекторов на стажировку. Самуил Максимович Брауде – заведующий уголовным отделом Мосгубсуда – все чаще просил Грениха присутствовать при допросе свидетелей. Порой само присутствие гипнотизера развязывало языки, иногда приходилось прикрывать агентурную информацию якобы успешным гипнозом, но, бывало, Грениху доводилось применять такие техники, которые заставляли людей против воли, в трансе, говорить только правду.

А все это было потому, что Ася, занемогшая мутизмом² и давшая согласие лечить себя гипнозом, бойко застрекотала во время сеанса, промолчав до этого целых два месяца. Студенты Грениха, которые присутствовали при сеансе, разнесли сенсацию по всему МГУ. Это не могло остаться без внимания. Грених понимал, что теперь он будет вынужден выгрести из себя все знания о гипнозе, отринуть любые сомнения и двигать гипнотизм в массы, готовить поколение психиатров, которые, точно фокусники, мановением рук могли бы лечить любые

---

¹ Кабинет судебной экспертизы.

² Отсутствие речевого общения больного, реакция на потрясение.

нервные и психосоматические болезни, и дознавателей, которые выводили бы лжецов и врагов народа на чистую воду.

По крупицам он собирал работы брата по гипнотерапии, съездил в Ленинград, посетил Психоневрологический институт Бехтерева, сходил и в бывшую Преображенку. Там он нашел только горстку предметов, которые Макс использовал в гипнозе: тибетскую чашу, колокольчик, небольшой барабан дамару да старый потрепанный томик «Махабхараты»³. Он был единственным, кто в изучении гипноза черпал знания в сокровищницах Восточной Индии.

Разложив все это богатство перед собой, Грених вспоминал, как Макс вводил в транс пациентов, заставлял их – во имя выздоровления – испытывать мучения, страх или успокоение, как он тряс перед их лицами колокольчиком или заводил деревянным пестом тибетскую чашу, звук которой будто проникал в мозг, все внутри переворачивал, а потом приводил в порядок. Будто какой-то маг, он излечивал многие нервные болезни, поднимал силу духа у безнадежных больных, избавлял от вредных наклонностей, используя странный шаманский набор совершенно не медицинских предметов.

И вот этим всем Константину Федоровичу теперь придется заняться самому, да еще других учить.

Объяснения Грениха, что такой общественный «эксперимент» может дать непредвиденный результат, были пропущены мимо ушей. Машина набирала ход и уже неслась вперед.

– Нам до умения, которого бы следовало бояться, еще расти и расти, – отмахнулся Довбня, который был одним из лучших учеников Ардалиона Ардалионовича Токарского – наряду с Бехтеревым тот вел экспериментальные исследования гипнотических состояний до революции. – От алкоголизма заговорить, внушить истеричной бабе тишину в голове – это все, чему нас Ардалион Ардалионович научил. Чаша эта едва почата, работы на сто лет! Будем учиться вместе со студентами. Дальше посмотрим. Сейчас нам всякое ремесло, каждый специалист дорог. А уж коли у вас практика давно на рельсах стоит, быть вам в авангарде.

Так Грених стал специалистом по гипнозу. Откажешь – проявишь безынициативность, а греха страшнее в молодом советском государстве не существовало.

Грених указал на ванную комнату, Мезенцев подтолкнул хозяина квартиры, тот мигом встал и сам не понял, как переместился в ванную и сел на опущенную крышку унитаза. Грених щелкнул выключателем, тускло засветилась под потолком одинокая лампочка без абажура, осветив резную метлахскую плитку на полу и некогда белые, ставшие изжелта-серыми, старые квадраты настенного кафеля. Он прошел внутрь, сел на край ванны напротив пациента. Мезенцев махнул рукой, мол, мешать не будет, и закрыл дверь.

Дожили – сеанс гипноза в туалете.

– Как ваше имя? – спросил Грених со вздохом, нехотя, и, достав из кармана часы на цепочке, уронил локоть на овальную раковину с латунными краном и мыльницей. Пациент снова стал выбивать из себя очереди согласных, словно старый заевший пулемет. Грених щелкнул крышечкой, глянул на циферблат, закрыл часы. Потом открыл вновь. Закрыл. Открыл. Закрыл.

Хозяин квартиры в удивлении уставился на вороненый узор прибора, на подскакивающую и мерно опускающуюся крышечку.

– Как ваше имя? – повторил Грених.

– Ви-виссарион Ф-ф-фролович Шкловский, – произнес наконец тот, заметно успокоившись.

– Виссарион Фролович, вы, видимо, очень потрясены происшествием в вашей квартире, к которому касательства не имеете, – Грених произнес эту фразу нарочно утвердительно, чтобы

---

³ Древнеиндийский эпос, включающий в себя множество легенд, притч, гимнов.

создать у пациента ощущение безопасности, дескать, все на его стороне, зла не желают и заведомо ни в чем обвинять не станут.

Тот хотел было сказать что-то, но не смог, вместо этого резко замотал головой.

– Вы раньше заикались?

Он опять отрицательно замотал головой, еще шибче прежнего, выражая тем самым страстное желание избавиться от внезапной напасти.

– Невротическую форму заикания, возникшую на фоне сильного стресса, лучше сразу подвергнуть лечению, потом спазм речевого аппарата может и не отпустить.

– Каа-каа-к ле-ле?

– Успокоиться, – беспечно пожал плечами Грених.

– И в-в-все?

– И все, – Константин Федорович щелкнул крышечкой, открыв и закрыв часы. – Вы будете смотреть на мои часы, дышать медленно и глубоко до тех пор, пока не начнет клонить в сон.

Несколько минут Грених монотонно открывал и закрывал часы: крышечка с приятным щелчком отскакивала, он на нее нажимал пальцем, с тем же приятным щелчком опуская. Очень скоро глаза пациента отяжелели и закрылись, Константин Федорович чуть наклонился к нему, коротко нажал на средостение. Шкловский безвольно откинулся спиной на белый кафель позади.

– Вы спите... – приглушенно начал Константин Федорович. – Вас ничто не беспокоит, тело окутало приятное тепло. Кругом уют. Вы у себя дома, в кровати, под тяжестью одеяла. Вас окутала тихая летняя южная ночь. Вы спите, ваш сон глубок, лицо обдувает теплый безмятежный ветер.

Пациент шевельнул губами, причмокнув, будто и вправду видел приятный сон.

– Вы слышите мой голос?

– Да.

– Как вас зовут?

– Виссарион Фролович.

– Где вы живете?

– Трехпрудный, 2А, квартира № 3, – без запинки ответил пациент.

Грених приподнял брови – ну вот и все, не прошло и пяти минут.

– Вчера к вам являлся кто-нибудь? – не меняя тональности голоса, спросил он.

– Да. Это были вы.

Грених на секунду опешил, вздрогнув и задев локтем латунную мыльницу. Грубый кусок черного мыла соскользнул на испещренное ниточками трещин дно раковины. Он сначала решил, что ослышался. Но слух уловил сказанное пациентом совершенно ясно – это какое-то совсем будничное и простое: «вы».

Грених разозлился. Вот ведь паскуда! Разыгрывает, что ли?

Но Виссарион Фролович беспомощно развалился на крышке унитаза, голова его свисала на грудь, он посапывал и шевелил губами, из уголка рта тонкой струйкой текла слюна. Придворяться так мог только очень хороший актер, знакомый с азами гипнотизма. Может, Шкловский, впав единожды под гипноз, теперь всех гипнотизирующих его за одного человека считать будет? Такое тоже бывает. Надо узнать, что за недоразумение.

Однако сильно тревожить его было нельзя, он мог начать заикаться вновь. Если Константин Федорович сейчас начнет вихлять и переспрашивать, под тонкое покрывальце гипнотического сна проникнет сомнение, сон рассеется аккурат в минуту напряжения пациента. И начинай сначала!

Грених решил продолжать в том же ключе.

– В котором часу я явился?

– Было уж к одиннадцати вечера. Вы позвонили в дверь. С вами была очаровательная дама, которая сломала каблук. Вы спросили, не найдется ли у меня пара женской обуви, на что я ответил, что живу совершенно один.

– Почему вас не уплотнили?

– Собирались! – Виссарион Фролович дернул бровями, но глаз не открыл. – Два года назад собирались – супружеская пара рабочих со старушкой-матерью, а потом как-то само забылось. Никто не переехал. Вот и живу один.

– Опишите мое лицо.

– Открытое, светлое, волосы густые и отброшены назад, лежат волнами, набриолинены, цвет не понял какой. Лоб высокий, нос прямой и глаза карие, как темный янтарь. Пиджак щегольской, белый, бабочка, летние полосатые брюки. Улыбка... такая ясная, добрая... я и повелся, слушал, развесив уши.

Грених отшатнулся, уронив на дно раковины и мьльницу. Латунь звякнула об эмаль, пациент перекатил голову с одной стороны на другую, веки его дрогнули, но и сейчас не открылись. Константин Федорович невольно встал и посмотрел на себя в надтреснутое и потемневшее овальное зеркало над раковиной. На него смотрело угрюмое, бледное лицо с гетерохромным взглядом исподлобья, с темными от худобы тенями, лоб прикрыт густой взлохмаченной черной с проседью прядью волос. Один его глаз был действительно как темный янтарь, не поспоришь. А другой – зеленый, будто стеклянный протез старого морского волка. Да и одет он в серую двойку без галстука и неизменный английский тренкот, который не снимал ни летом, ни зимой. Кого же Виссарион Фролович описывать изволил? Не иначе слегка тронулся умом. Или не слегка, а весьма серьезно.

Глава 1. Балаганчик на Арбатской площади

Расписанный ромбами фургончик Риты Константин Федорович увидел из окна вагона – в час, близкий к закату, его неспешный трамвай катил по Бульварному кольцу. Совершенно случайно Грених поднял голову, хотя до той минуты уныло глядел на мелкий шрифт газеты «Рабочая», которую сосредоточенно читал сосед справа, и вдруг его ослепил солнечный луч – скользнул по пыльному стеклу, привлек внимание к россыпи искр, брызнувшей из-под трамвайной дуги при повороте на Арбатскую площадь, загорелся в куполах церкви Бориса и Глеба и исчез в окнах высокого футуристического Моссельпрома, увенчанного короной и исполосованного рекламными лозунгами: «Дрожжи», «Папиросы», «Нигде, кроме как в...». А потом эти яркие ромбы – и внезапный Чайковский в голове, и сердце прожгло воспоминанием о партии Коломбины, которую танцевала Рита в Петербурге в те счастливые времена, когда Государственный академический театр оперы и балета еще звался Мариинским.

Нынче Арбатская площадь была запружена, Грених поднялся, успел соскочить с подножки трамвая у двери кинотеатра «Художественный». Она давала свое представление у выходных его дверей. Плотный кружок образовался прямо посреди площади. В центре толпы гуляк под звуки большого патефона, поставленного на шаткий табурет рядом с фургоном, босоногая, в белом простеньком платьице на лямках, с развевающимися иссиня-черными змейками-локонами и в венке, обнимающем лоб, она плясала, как цыганка Эсмеральда на площади у собора Нотр-Дам, будто и не постарела вовсе с 1908-го. В танце сквозили и Китри из «Дон Кихота», и нежная Жизель, до ужаса знакомые. Вокруг прыгали белые болонки, ловко ныряли под украшенные лентами обручи, что добавляло балетным па-де-труа циркаческий колорит.

Танцовщице ассистировала небольшого росточка чернокожая девушка в разноцветном тюрбане, которую Грених прежде не заметил. Теперь было понятно, отчего на Арбатской площади такое скопление народа, словно в день открытия памятника Гоголю. Советский народ сбился в толпу посмотреть на небывалое зрелище – представительницу африканских племен. Если бы не эти ромбы на фургоне, не внезапное воспоминание, не страстное желание увидеть свою юную Коломбину, Константин Федорович ни за что бы не сошел с трамвая и не присоединился к любопытным зевакам.

Когда их номер был завершен под рукоплескания и визг детишек – а ребята непременно хотелось погладить дрессированных собак, – на импровизированную арену вышел обнаженный по пояс силач и стал крутить на плечах бревна, поднимать увесистые гири, подбрасывать их и подхватывать, затем ловко заменив гири африканкой. Захваченная увлекательным зрелищем, публика позабыла о собачках и принялась аплодировать тяжелоатлету, поднимая головы вслед за взлетающей в воздух гимнасткой.

Рита, увидев Грениха среди зрителей, прижала палец к губам, подмигнула. Но едва концерт был закончен, артисты быстро собрали животных, бревна, патефон и уехали. Грених не успел и глазом моргнуть. Он стоял в стороне и глазел, как фургончик, запряженный парой пони, выкатил на Воздвиженку и исчез где-то в стороне Сапожковской площади. Он самозабвенно шел следом, не обращая внимания, что повозка уже исчезла, все еще надеясь, что Рита просто желала отъехать от шумной площади подальше. Но нет. Она поспешно скрылась. Когда Грених подошел к Кутафьей башне, ему сказали, что фургон внутрь не пустили, и он уехал.

Весь следующий день Константин Федорович ожидал часа заката и даже отложил несколько дел, чтобы поспеть к выступлению маленького передвижного цирка из зарубежья.

Но произошло то же самое. Рита радостно помахала ему, он приподнял шляпу в ответ, не замечая, что сияет улыбкой от уха до уха, как начищенный самовар, но, когда представление закончилось, фургончик, подобно волшебной табакерке, захлопнул свои шторы и помчался в

сторону Александровского сада через Воздвиженку. Копытца мелких лошадок с расчесанными хвостами отбивали дробь по камню в такт биению сердца Грениха.

На этот раз Константин Федорович не пошел за ними. Остался. От охватившего смятения простоял добрых четверть часа посреди Воздвиженки, не обращая внимания на движение, держа в одной руке снятую шляпу, в другой – трамвайный билет и уставившись тревожным взглядом в пространство Сапожковской площади, поглотившей расписную повозку Риты.

Никогда бы Грених не вздумал вынимать из тайников памяти ее портрет, никогда бы не стал гонять по улицам за ее призрачным изображением. Но появление жены брата могло означать и возвращение Макса, еще до революции успевшего умахнуть за границу. На фургоне Грених заметил надпись на итальянском: «Театр Риты Марино». Он спросил кого-то из толпы зрителей, откуда прибыли артисты, и ему ответили, что хозяйка из Италии. Проще простого сложить одно с другим: они встретились там, в Европе, и – венчанные еще до революции в Москве – воссоединились. Только вот в свете убийств в Трехпрудном близкое маяченье на горизонте сумасшедшего, практиковавшего гипноз, не внушало Константину Федоровичу покоя...

Но стоило Рите просиять улыбкой и помахать ему, как все остальные мысли, планы и соображения смазались, всплыли воспоминания из юности. Меж ними прошлыми и нынешними стояла тень революции, две войны – германская и Гражданская, а еще приступы брата, которые и стали причиной рухнувшего счастья. Но нынче все обнулилось, не было уже света, который ее отверг, может, не существовало и брата, ведь она теперь носила итальянскую фамилию. Первой зажглась мысль о разводе, воспламенив надежду, что они теперь не вместе. Грених был готов забыть, как Макс, воспользовавшись своей немощью, отнял невесту собственного брата. Теперь все можно было начать с чистого листа. А за ней по-прежнему не угнаться...

Имея за плечами долгий опыт работы психиатром, Грених сам никогда не пытался разобратся в той чудовищной ситуации, жертвой которой стал, будучи еще слишком юным в свои двадцать, чтобы осознать глубину предательства двух близких ему людей. Он предпочел все задвинуть в самый дальний угол памяти, забить досками, повесить большой амбарный замок и больше никогда его не открывать.

Рита была его невестой еще задолго до женитьбы на матери Майки. Маргарита Михайловна Марьяшина – очаровательная балерина, только окончила Императорское театральное училище, ныне институт сценических искусств, и танцевала в кордебалете, но уже пробовала партии Коломбины в «Щелкунчике» и Царь-девицы в «Коньке-Горбунке». Они познакомилась за кулисами. Константин Федорович тогда только прибыл в столицу вольнослушателем в Психоневрологический институт. Ей было восемнадцать, ему – двадцать, а его брату – двадцать пять, Максим вел курс невропатологии у Бехтерева.

Грених почему-то запомнил ее именно Коломбиной в пестрой с ромбами пачке и с полумаской на лице, танцующей нарочито пружинно, как марионетка. Возможно, потому что такой он ее впервые близко увидел после балета в гримерке, куда попал совершенно случайно, приглашенный каким-то общим знакомым. Эта полумаска и большой ярко-пунцовый улыбающийся рот совершенно его очаровали. Ее лицо нельзя было назвать красивым: нос будто припухший, непропорционально большие черные, пристальные и круглые, как у мыши, глаза, угольно-черные брови и чуть выдающаяся верхняя губа делали ее похожей на портреты тех художников, которые почитали рисовать чем страннее, тем лучше. Но он влюбился в ее загадочную улыбку... и в длинные черные волосы – густой шелк, ниспадавший чуть ли не до самых колен. Она тогда сидела на пуфе, поджав стопы в пуантах под себя, и расплетала тугий пучок на голове, пачка в ромбах едва прикрывала ноги.

Крах их коротких отношений начался с очередной фазы упадка маниакально-депрессивного психоза у Макса, которая разыгралась к концу учебного года. Был конец мая, прямо как сейчас, все цвело, в воздухе стоял аромат приближающегося лета, пахло сиренью, цветущими

яблонями, каникулами и свободой... Повезло, что институт к июню несколько опустел, немногие студенты стали свидетелями, как младший преподаватель невропатологии срывал со стен плакаты с анатомическими рисунками, швырял в окна книги и сам едва не бросился за подоконник.

Пока Константин Федорович заканчивал свою исследовательскую работу, Рита стала трепетной сиделкой его брата, ходила за ним по пятам, выслушивала бред о буддизме, йоге, гипнозе и операциях на мозге, которые Макс собирался проводить на заключенных, да только все никак не мог получить соответствующее разрешение. А потом они оба внезапно бежали в Москву. Исчезли, ничего не объяснив. Только дома он узнал, что Макс и Рита тайно венчались.

Так Константин Федорович прохлопал свое счастье. Молча проглотил обиду, доучился в университете, кончил курс, принял должность ординатора в том же отделении, где работал его брат, и молча же с ним трудился над общим делом, никогда не поминая случая с похищенной невестой. Он очень умело скрывал свои чувства, даже женился потом, хотя и без особой любви, в надежде покончить с тихими мучениями, и чтобы наконец удовлетворить желание отца, который страдал в отсутствие внуков. Майка стала его долгожданной радостью.

Однако жизнь жестоко обошлась с обоими предателями. Ее выгнали из Мариинского, он оказался заточенным в Преображенской психлечебнице. Она бросила балет, стала дамой полусвета, он – пациентом палаты отделения буйных.

Грених продолжил работать ординатором в больнице, куда положили брата, и трудился там до тех пор, пока Макс не обвел его вокруг пальца, предложив гипнотерапевтический метод в качестве лечения. Он сбежал во время очередного сеанса. Той штуке с часами, которую Константин Федорович провернул, чтобы избавить недавнего свидетеля убийства от заикания, он научился у брата. Впрочем, часы тоже были Макса. Он оставил их на стуле и исчез. Это стало последней каплей, Константин Федорович дотерпел до объявления войны и тут же подал заявку в 25-й корпус...

Грених вздрогнул от оглушительного сигнала клаксона, увидев позади себя огромный грузовик. Водитель наполовину высунулся из окошка и отчаянно кричал, чтобы зевака подвинулся и не мешал сделать разгрузку у здания Винсиндиката. Сколько он так простоял, провалившись в воспоминания?

Ее нужно было поймать. Она не одна приехала. Она с ним. Шкловский упомянул очаровательную попугачицу гипнотизера. На третий день Грених будет расторопней, пробьется сквозь толпу, непременно подоспеет к моменту, когда артисты начнут собирать цирковой реквизит, и опередит их.

Но едва ли не перед самым его носом Рита скользнула за штору, поспешно подхватив одну из болонок. Путь профессору преградила африканка и стала очень живо, с недовольным лицом стрекотать на диалекте, кажется, из рода банту. Грених оторопел и послушно отошел, позволив циркачам снова оставить его ни с чем.

Да что же это, в конце концов, такое!

На четвертый день фургончик на Арбатскую площадь не приехал. Зато на пятый Рита остановилась на Тверском бульваре у памятника Тимирязеву и собрала публику там. Опять Грених увидел ее случайно: повезло сесте на автобус, который проезжал мимо. Но остановиться на сей раз он не мог – ехал на собственную лекцию в институт Сербского. Оставалось лишь проводить беглецов сожалеющим взглядом. Рита танцевала с обручами, отбивая голыми пятками мостовую, а вокруг ревелись ее болонки.

На шестой день она обосновалась там же, но подойти к фургону Грениху не позволил тяжелоатлет. Силач, назвавшийся Барнабой Марино, деверем хозяйки фургончика, преградил дорогу профессору, когда тот уже намеревался протянуть руку к заветной шторке, и принялся что-то втолковывать ему на плохом французском с таким сильным итальянским акцентом и так живо жестикулируя, что Грених поначалу не понял ни слова, с трудом разобрал только,

что «сеньора Марино» не может его принять по весьма веским причинам, а если гражданин в шляпе и плаще будет чрезмерно настойчив, к нему применят силу.

– Сеньора Марино? – вскричал Константин Федорович вне себя от злости. – Какая, к черту, сеньора!

Немного обескураженный и обиженный Грених развернулся и уже собрался уйти. Сеньора Марино! Тоже выдумала. Неужели ничего более изобретательного на ум не пришло?

Но тут она его окликнула:

– Костя! Стой... .

Грених как заговоренный обернулся, позабыв об обиде. Рита откинула шторку, легким движением опустила на мостовую обе ножки, затянутые в белые ботинки, и соскочила вниз. Она успела сменить платье с циркового на повседневное – тоже белое, легкое, с рукавами-крыльшками и спущенной на бедра плиссированной юбкой, волосы собрала под кремового цвета косынку, которую повязала под подбородком.

Наконец, вот оно – ее лицо, почти не изменилось за двадцать лет, чуть острее стали скулы, чуть больше глаза в ореоле легкой сеточки морщин, появилась едва заметная складка на лбу и еще две вокруг ее большегубого рта. Пожалуй, она совсем исхудала и побледнела. Или же эффект изможденной девушки, которой нет и двадцати на вид, ей придает отсутствие косметических средств, краски, лоска. Она, как и раньше, с невинным очарованием закусывает нижнюю губу, томно опускает глаза, а потом резко скидывает ресницы, в зрачках застывает не то вопрос, не то осуждение, не то вызов.

Непринужденно обхватив локоть Грениха, будто ничего и не произошло, меж ними не миновало двух десятков лет, не было измены, она мотнула головой в сторону Никитских ворот.

– Пройдемся? Прости, не узнала поначалу, – лукаво улыбнулась она и повлекла его к тротуару. – Вон какую шевелюру отпустил на глаза, не бреешься, постарел лет на двести.

– Неправда, что не узнала, ты мне подмигнула и даже рукой махала, – пробормотал Грених, невольно потянувшись ко лбу и откинув волосы чуть назад. Шляпа все еще была в его руке. – В тот первый день, и на следующий...

– Да? А может, это я кому другому махала? – ввернула Рита, лукаво отводя взор в сторону и опять закусывая нижнюю губу. Из-под ее косынки на лоб упала волнистая черная прядка, она убирать ее не стала, зная, что ей это идет.

Грених не нашел, что сказать, смешался, опустил голову, исподлобья глядя на ее рот и на то, как прядка липнет к верхней губе, кажущейся больше, чем нижняя.

– Ладно, будет, – вздохнула она. – Разумеется, узнала. Но только не сразу решилась говорить.

Константин Федорович хотел что-то сказать, но слова застряли в горле, и он ощутил, как вспыхнуло лицо. Ритой это не осталось незамеченным, она улыбнулась так, что ее морщинки вокруг рта стали заметней, и ласково провела ладонью по плечу профессора.

– Как Майка поживает, дочка? Могу я как-нибудь навестить племянницу?

– Благодарю, хорошо. Старается. Осталось сдать пару экзаменов, и перейдет в третий класс.

– Значит, каникулы скоро. А невеста ваша как? Выздоровела?

Грених нахмурился.

– Я приходила в институт Сербского о вас справиться, – поспешила она предупредить его недоумение. – Мне о вас этот... имя позабыла, ваш ассистент Воробьев все рассказал. И как вы с дочкой в позапрошлом году вернулись из Белозерска, и как оттуда невесту привезли, вылечили ее... Она немой была отчего? Ассистент ваш сказал – пережила какой-то испуг.

– Она не невеста, – глухо отозвался Грених, с болью в сердце вспоминая Асю.

С Асей тоже как-то не заладилось. Он долго выжидал, прежде чем озвучить ей свои чувства, все прислушивался к голосу разума, чтобы не сотворить ошибки, не испортить судьбу

юной души неравным браком, и в итоге та обзавелась своей жизнью, друзьями и даже поклонниками. Петя уже третий раз в кинотеатр ее водил. Они были почти одного возраста... Ну и пусть, замечательно же! Сердце Грениха за Асю было спокойно, хоть и получило еще один незаживающий рубчик, крохотный, но глубокий и до сих пор кровоточащий.

– А кто же?

– Просто девушка, которую удалось хорошо пристроить на химфак в университет.

– Вот оно что, – по лицу бывшей балерины скользнула улыбка дельфийского оракула, знающего все на свете. Она прекрасно поняла, что никакая Ася не «просто девушка».

– Откровенность за откровенность, – сменил тему Константин Федорович. – Кто этот человек, назвавшийся твоим деверем, который так дурно говорит по-французски, что я насилу разобрал несколько слов?

– Барнаба? Брат моего второго мужа, – Рита невозмутимо пожала плечом.

– Я полагал, ты выдумала себе эту новую фамилию, – Грених опустил голову. Она все-таки умудрилась где-то получить развод.

– И да, и нет.

Они прошагали всю улицу Герцена и оказались у Александровского сада. Рита остановилась у тележки с мороженым и потянула Грениха за руку.

– Можно мне мороженого? Я думаю, это вафельные кругляши, – они было прошли мимо, но Рита развернулась и уже отправила одну из своих милейших улыбок широкоплечей, унылой мороженщице с роскошными, прямо как у киноактрисы, марсельскими волнами, в которых опавшим осенним листом застряла белая кружевная наколка. – У вас с вафлями? Шоколадно-ванильный, пожалуйста.

– Есть только земляничное.

– Ну пусть.

Грених расплатился с марсельской головой, и они двинулись к чугунным воротам сада.

– Я обещаю все рассказать, – Рита впиалась губами в выползающую из-под двух круглых вафель ярко-алую массу, – только если на обратном пути получу такое же.

Силач Марино действительно оказался деверем Риты, а точнее, бедной сиротки Риты, которая – нет, это сложно вообразить! – сбежала из монастыря в пригороде Рима перед самым постригом. Рите нужны были хоть какие-нибудь документы, подтверждающие ее личность, после революции русской эмигрантке было непросто. Заглянув в первое попавшееся женское аббатство, она разыграла амнезию и два года прожила с монашками, выжидая, когда можно будет заговорить о возможности получить какие-нибудь итальянские бумаги, подтверждающие ее личность. Ее назвали Ритой в честь какой-то святой, что ненароком совпало с ее настоящим именем.

– То есть ты совершенно случайно забрела в монастырь и решила принять постриг? – Грених едва поспевал за быстрой речью Риты, которая столь сбивчиво рассказывала, живо, очень по-итальянски жестикулируя, что не всегда было ясно, что из чего проистекает.

– Да, но постриг всеми силами отсрочивала. Было не просто, кроме того, настоятельница услышала в моем итальянском русский акцент и долго меня допрашивала. Не знаю, как я вынесла тогда то ее наступление. Русских в Риме сейчас и тогда пруд пруди, были и те, кто знал меня и мое прошлое. Да, согласна, странный способ я выбрала, чтобы начать новую жизнь.

И тут господь бог посылает ей удачу в лице братьев Марино – бродячих артистов.

– Мое балетное прошлое весьма заинтересовало их. Знаешь, в Италии полно циркачей и нет цирков. Но театры так устроены, что всегда можно партер расчистить, получается недурственная арена. Работа была всегда. Канаты крепились к стенам и потолкам зрительных залов. Меня обучили воздушной гимнастике. И я летала с трапеции на трапецию под звуки патефонов. У нас были когда-то парочка львиц, слон. Все, что осталось, я привезла с собой – удавов, птиц. Болонок мне подарили в Париже.

– Как же ты стала Марино? – Грениха заботило лишь одно: почему Рита сменила фамилию при живом муже, где прячется Макс и давно ли они виделись. Но ничего из этого напрямую спросить не мог, считал это какой-то черной бестактностью.

– Я вышла замуж за брата Барнабы. Он был наездник, каких мало, настоящий ветер, шторм на лошади, начинал у Виктора Франкони в Зимнем цирке на Елисейских, – беспечно пожалла плечами Рита, откусывая хрустящий и румяный бочок вафли. – Как оказалось, бумаги артисты получить могут скорее, чем монашки. Напрасно я проторчала в монастыре столько времени. Хотя нет...

Она мечтательно посмотрела в небо, облизнув палец. Грених поднял на нее взгляд и только сейчас, под солнечными лучами заметил – в черной прядке, что выбивалась из-под косынки, едва проглядывало несколько белых нитей. Ее лицо под светом солнца казалось таким тонким и прозрачным, словно сшитое из папирусной бумаги. Кожа обтягивала острые скулы, меж бровями и вокруг рта четко прослеживались складки. Разглядывая, он не заметил, что пауза затянулась, Рита смотрела вдаль, держа в тонких пальцах недоеденную вафлю. А потом медленно по своему обыкновению поджала нижнюю губу под передние зубы и неожиданно всхлипнула. Грених заметил скатившуюся по пергаменту кожи слезу, отвел глаза, не желая становиться свидетелем того, как это красивое и любимое некогда лицо теряет выражение беспечности и наполняется горечью, как черты заостряются и в них проступает старость.

– Это было самое спокойное время в моей жизни, – продолжила она. – Не хочу сказать, что хозяйка сильно меня страшила. Я бы могла остаться. Хотела бы – и постриглась. Но, видишь, меня вечно тянет куда-то... Мы недолго давали представления. Мужа убили чернорубашечники. Ты знаешь, что сейчас происходит в Италии? Почти то же, что происходило здесь, в России в 18-м. Власть захватил Муссолини. Все началось осенью 22-го, фашистские отряды обступили Рим и пригороды. Они грабили и убивали без разбору, социалист ты или артист. Полиция предпочитала выжидать, не вмешивалась, не к кому было воззвать о справедливости. А потом фашизм стер все, что было прежним, итальянцам заткнули рты. Мог вещать только Большой фашистский совет. Ничего не напоминает, нет? – заговорила она резко, отрывисто, изменившись вдруг в лице, и зло швырнула в урну вафлю. – Детей там нынче растят в рамках программы Опера Национале Балилла, готовят маленьких фашистиков. Да здравствует наш Дуче Бенито Муссолини! Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет...

– Тише, – Грених сжал ей локоть, тотчас принявшись озираться по сторонам. Оглядел черные стволы деревьев, дорожку, убегающую вперед и назад. Им повезло оказаться одним.

– Что же ты так испугался? – она вырвала руку и коротко хохотнула.

Сравнение ленинизма с фашизмом нынче не особо приветствовалось.

– Лучше замолчи, – прошипел Константин Федорович. – С таким настроением итальянским гражданам на территории Советской России теплого приема ждать не следует.

– А то что? – с вызовом бросила она.

– Не будет у тебя ни твоего фургончика, ни болонок.

Некоторое время они шли молча. Шумел ветерок, из-за деревьев выглядывали башни Кремля, прошли строевым шагом пионеры под какой-то марш с барабанным боем, девочки играли в классики, на повороте аллеи продавали Ижевскую минеральную воду.

– Мы удрали с Барнабой во Францию, в Париже к нам присоединилась Таонга. Давали свою программу в Новом цирке на Сент-Оноре. О, это было великолепное новое здание, не чета кустарным шапито Италии, – Рита смягчилась, перестав дуться. – Столько огней, подвижный манеж, откидные кресла в зрительном зале.

– Чего здесь-то забыли? – Грених нервничал. Он ускорил шаг, все перемалывая эти странные слова Риты, пытаясь понять истинные ее настроения и замыслы. Ясно ведь, что не просто вернулась. Во Франции было безопасно, сытно, сладко и привольно. Парижу были нужны артисты разных мастей.

– Мы пробовали гастролировать в Германии, Австро-Венгрии, Польше, но там совсем нечего делать, бедность, разруха. Шалые солдатики с пугаными глазами, напивающиеся до полоумия – вот и вся публика. Однажды в Вене во время номера в меня начали палить из револьвера, пока я перелетала с каната на канат под куполом. Едва потом отошла от испуга. После задумались, куда еще податься. Не раз соблазняли слухами о новом советском государстве, за какие-то несколько лет ставшем одним из цивилизованных в мире, почти великим, с устоявшимся общественным порядком. Никто там в артистов под купол пули не отправляет, напротив, все очень чинно, порядок строгий. Удивилась, узнав, что это родина моя, которую я оставила в огне. Вот и прибыли, посмотреть, так ли все, как иные поют.

Грених напрасно ждал, когда она поведаст о Максе. Рита словно забавлялась, небось, прекрасно видя его нетерпение. Слушал он ее, крепко сжав зубы и неотрывно глядя на носки своих ботинок. В конце концов она сжалась.

– У меня есть одно незавершенное дело, – доверительно, с ребячьей мягкостью прошептала она, взяв Грениха за руку с такой же нежностью, как это делала только двенадцатилетняя Майка. – Прости меня. Злая я стала. Злая, потому что беспомощна в этом мире все решающих за нас. Ты. Ты – мое незавершенное дело, ради тебя я приехала. Веришь?

Грених поднял на нее недоверчивый взгляд.

– Веришь? – еще раз спросила она, вздернув бровями и отпустив его пальцы.

Неожиданно развернулась, легко, точно на пуантах, перескочила клумбу, перелезла невысокую ограду и побежала в сторону Охотного ряда. Грених и опомниться не успел, как остался один, не получив ни одного ответа на свои внутренние терзания.

Глава 2. Раппóрт

Плавая в липком болоте чувств и периодически отдирая от себя цепкие шупальца воспоминаний, Грених все время возвращался к одной и той же мысли: не привезла ли Рита с собой бывшего супруга? Она была лишь слабой тенью той проблемы, что замаячила на горизонте, когда загипнотизированный свидетель убийства внезапно указал на Константина Федоровича как на грабителя и убийцу.

Беда не приходит одна. Производя сеанс гипноза в туалете квартиры в Трехпрудном переулке, Грених не подозревал, что дотошный, педантичный стажер Воробьев примостится у замочной скважины, станет наблюдать и слушать. С той стороны двери никто ему этого запретить не мог, ведь он не нарушал уединения врача и пациента, а лишь проявлял рвение в учебе. Десятка два лет назад такое поведение никто бы себе и в мыслях не позволил, но в нынешние времена подслушивать и подглядывать было в порядке вещей.

Когда в тот день тела, с осторожностью соскребенные с пола и мебели вместе с черной пеной, увезли в морг, Грених поспешил покинуть место преступления, чтобы не присутствовать при допросе свидетеля Мезенцевым.

Петя тоже не остался, догнав профессора. Некоторое время они шли молча, и Константин Федорович пока не подозревал, в какую дрянь вляпался, позволив себе задавать свидетелю вопросы, имеющие касательство к следствию. Воробьев шагал рядом, взволнованно сжимая свой блокнот.

Это был истинный комсомолец, готовый участвовать в любой программе, поддержать каждую благую для коммунистического общества идею, имевший какую-то должность в орготделе райкома, страшный аккуратист. Бросив семинарию в 1917-м, оставшись круглым сиротой, он поступил на отделение невропатологии МГУ. Учился быстро и собирался освоить две профессии сразу. Ходил хвостиком и за Мезенцевым, постигая искусство расследования, напросившись в стажеры на летние каникулы в Губсуд, и за Гренихом, суя нос чуть ли не в каждое анатомируемое им тело и присутствуя на каждой его лекции и практическом занятии по судебной медицине в центре Сербского с неизменным блокнотом, в который тезисно заносил самое важное.

Грених прежде его не выносил за эту педантичность, белую рубашку под большевистского вида курткой, ровную волосок к волоску прическу на косой пробор, его вечные комментари и блокнот в руках. А позже привык – что делать? – к такому вот Ватсону, неустанно бубнящему вопросы, просьбы объяснить, жужжащему то у левого уха, то у правого. Нынче Воробьев почти стал его правой рукой и даже как-то отдалился от Мезенцева, реже стал посещать Мосгубсуд и дышать пылью его архивов. Психиатрия увлекала его больше, а уж когда стали изучать гипнотизм, он тотчас взял эту тему себе для будущей диссертации.

От такого помощника грех было отказываться. Грених видел в его обучении перспективы сбросить в конце концов с себя ярмо единственного специалиста по гипнозу. Имелось в этой должности что-то липкое, неприятное, неуважительное к личности, индивидуальности гипнотизируемого, которую сейчас всеми силами старались искоренить. Одно дело терапией заниматься, другое – без спроса в голову людям лезть.

Советскому человеку, который не лжет своему народу, своему собрату, своим вождям, нечего было скрывать. Конечно же, такое мышление начало формироваться в умах только нынешнего поколения, живущего тесно и открыто, на деле люди оставались такими же скрытными, у них хватало тайн за душой, ничтожных грешков, подавленных чувств и невысказанных мыслей.

Давать массам право силой выводить это на поругание казалось Грениху несправедливым и гадким. И он старался направить обучение в медицинское русло, сделать гипноз инстру-

ментом в лечении психиатрических заболеваний и отдалиться от отделения арестованных. Для этого в институт Сербского были приглашены особо безнадежные пациенты из разных больниц Москвы, потерявших статус психиатрических, сам институт, все еще имеющий статус психбольницы, оборудовали палатами. Грених создал все условия не только для изучения, но и для самой терапии. И даже тем, кто не желал иметь койку в палате и лечился дома, тоже находилось место – велся амбулаторный прием.

Грених с Петей шли по Тверскому бульвару к дому № 18, бывшему владению Смирнова, в котором в дни революции заседал ревтрибунал, а нынче располагался Московский губсуд. Невысокий четырехэтажный особняк с тремя по-готически вытянутыми витражами над аркой, ведущей во внутренний двор, показался вдали, когда Петя наконец выпалил:

– Почему он это сделал?

– Что именно? – буркнул занятый своими мыслями Грених.

Он шел, низко опустив голову и засунув руки в карманы тренчкота, нервно комкая лежащую там мелочь, засаленный платок и целую кучу прокомпостированных трамвайных билетов.

– Почему он сказал, что это были вы?

– Вот ведь ж... – сплюнул сквозь зубы Константин Федорович, но бранным словам вылететь не дал. Разноцветным вихрем пронеслось в его голове воспоминание о сеансе в туалете в Трехпрудном переулке, в котором воображение с удивительной четкостью дорисовало теперь сидевшего по ту сторону двери любопытного Воробьева. Отнекиваться смысла не было, и Грених, набрав воздуха в легкие, начал свое толкование:

– Причин много. Например, он был загипнотизирован прежде человеком, по каким-то причинам похожим на меня. Но не внешне. Похожа была интонация в голосе, манера говорить, тембр. Или же... меня кто-то ловко спародировал, как Бип-Боп спародировали Бим-Бом⁴, – зло усмехнулся Константин Федорович. – Ходил в институт, присутствовал на лекциях, экскурсиях, изучил мою манеру и скопировал ее, при этом достаточно хорошо владея техниками гипноза.

Когда он услышал от свидетеля странное «Да. Это были вы», внутри все похолодело, первая мысль: Макс обещал вернуться, и он это сделал, замыслив нечто такое, что Константину Федоровичу было пока сложно угадать. Нужно было как можно скорее во всем разобраться самому и обезвредить брата, если это он.

– Но как же так вышло, что гипноз сработал, словно швейцарский механизм? – не отставал стажер.

– Был выбран тот же способ установить раппорт.

– А раппорт – это же мостик меж врачом и пациентом, так ведь? Для меня это все еще будто из области магии, – смутился Воробьев, сжав пальцами блокнот. – Как вы это проделываете? Хоть и вижу часто, но ведь волшебство, ей-богу.

– Гипноз базируется на некоторых особенностях сна вкупе с угнетающим влиянием монотонных раздражений на нервную систему. Известно, что из всех органов чувств последним засыпает слух. Мозг уже видит сны, а слух улавливает звуки – команды гипнотизера, он воспринимает эти команды, как собственные побуждения и желания. Мы не замечаем, как мозг дает сигнал телу, например, поднять руку. Гипнотизер берет на себя эту власть, в то время как личность гипнотика подавлена. И возникает огромное поле деятельности с пассивным и активным вниманием, с ассоциациями, умением запускать работу глубинных слоев сознания, подавлять сознательный разум и тормозить критическое мышление, как называют его индийские йоги, ахамкару – эго. Именно потому, что запускаются под воздействием такого внушения те или иные процессы в мозге, пациент, например, забывает все, что было во время гипноза,

---

⁴ Бип-Боп и Бим-Бом – советские дуэты клоунов-куплетистов.

или, напротив, помнит все, если гипнотизер дает такой приказ. На следующей неделе опять проведу несколько сеансов для больных в институте. Приходи, посмотришь, поассистируешь.

– Спасибо! – просиял Петя. – Приду, еще как приду! А вот вопрос. То у вас психические больные, они к вам по доброй воле пришли, сами просят вылечить. А как быть с теми, кто... сопротивляется? А как быть с теми, которых гипнотизер вообще впервые видит? Ведь что у нас с тем свидетелем получается – его незнакомец загипнотизировал, впервые видя?

– В гипнозе требуется к каждому пациенту свой подход, здесь все индивидуально. И на самом деле не все так просто и волшебно. Существуют и критика, и сопротивление внушению, и видов гипноза, и способов гипнотизации – множество. Наш случай – это какая-то ошибка, которую мы попробуем изучить. Чаще всего, чтобы ввести человека в транс, используют особый сигнал, нарабатываемый, подобно новому рефлексу, не за один сеанс. Каждого пациента погружают в сон или пробуждают по-разному в соответствии с особенностями его психики. Иногда достаточно помахать перед глазами блестящим молоточком, чтобы пациент заснул. Но чаще наработать засыпательный рефлекс бывает не просто. Эта связь между врачом и пациентом тоже называется «раппорт», который достигается словом или каким-либо условленным заранее сигналом, повторяемым едва ли не тысячу раз.

– Создающим общее торможение коры головного мозга? Я читал у Бехтерева...

– И торможение, и возбуждение, и не только коры. А потом уже, когда оно – действие или слово, как в случае с нашим свидетелем, манипуляция с часами... – Грених сильно зажмурился, будто переживая приступ головной боли, опять вспомнив, что часы принадлежали брату, – прочно осядет в подсознании, достаточно произнести это слово или звук, или воспроизвести нечто еще, заранее условленное, и в мозгу гипнотика срабатывает сложный механизм репродуктивно-сочетательной деятельности внешних центров, и он тотчас же выполняет заложенный гипнотизером приказ, не будучи при этом в транс, но и не осознавая своих действий.

– Вот это есть раппорт, получается? – Петя карандашом, который успел вынуть из-за уха, почесал короткие светлые волосы. – Мистика... Все равно для меня это мистика, не понимаю, хоть пристрелите!

– Таким образом французский клиницист-невролог Шарко, использовавший гипноз в прошлом веке, заложил в одном из своих пациентов привычку засыпать, едва его домашние часы пробьют десять, – продолжил Грених, шагая размеренной походкой и одновременно лихо-радочно строя план, с чего начать собственное дознание. – Но нужно было оказаться в десять дома, чтобы услышать бой часов, иначе пациенту не уснуть. Так Шарко лечил его от бессонницы. Однажды пациент явился с визитом к каким-то из своих родственников, и в гостинной, к его удивлению, висели такие же часы, как и в его собственной.

– И он заснул, когда часы стали бить десять? – с придыханием воскликнул стажер.

– Представляете, да.

Они остановились под аркой особняка, занимаемого Губсудом.

– Хм, – Петя призадумался и глубокомысленно изрек: – Шарко – голова!

– Не только Шарко, но еще и Бред, Льебо и Бернгейм – это те, кто ввел гипноз в науку. Но вот в чем закавыка. Только один человек может быть хранителем ключей раппорта. Врач строго хранит тайну наведенного моста.

– Да, странно. Расскажи такое кому – сразу вас бы заподозрили.

– Увы, в этом и состоит проблема гипнотического метода, с которого сняли запрет и выставили на всеобщее обозрение. Если вскрыть механизм гипноза и повернуть кое-какие шестеренки, то он рискует превратиться в бомбу. Если знать, как он работает, можно осуществить вербальную и невербальную подстройку под тип дыхания пациента, голос, жесты – все, что делаем мы, и управлять им, точно куклой на веревочках. Именно поэтому до революции гипноз почти никто не использовал. После случая с доктором Ганзеном никто из врачей не желал рисковать своим добрым именем и репутацией.

Грених вздохнул, про себя добавив: «Кроме моего сумасшедшего братца, который трижды подавал ходатайство в Медицинский совет о снятии ограничений на гипнотический метод в психотерапии».

– Я никому не скажу, – горячо заверил Петя.

– Да что толку? Надо вызнать, кто это меня копировал.

Вот и наступил тот роковой день, когда эту особенность гипноза обернули против Грениха, навязали ему якобы связь со свидетелем. Причина была явно преступной, нечего обнадеживаться, хватаясь за спасительную мысль о случайности.

Он знал, что гипнотический метод, который так широко стали изучать всевозможными способами со стажерами и студентами, врачами и профессорами, когда-нибудь станет пищей для недомолвок. Но не думал, что это привлечет чей-то изощренный ум, который пожелает не то потешиться над молодыми советскими учеными, не то обернуть их стремление изучить этот метод против них же самих.

– Еще в далеком Средневековье, не говоря о евангелических временах, гипноз использовался как один из видов шарлатанства. Ходили пространные толки о животном магнетизме, флюидах, ясновидении, о телепатии – все эти понятия ввели, увы, те, кто не особенно задумывался о гипнозе как о лечебном средстве. Гритрекс, Калиостро, Гаснер, Месмер, маркиз Пюanzeгюр, тот же Ганзен эксплуатировали учение гипнотизма с корыстными целями, рассматривая его лишь с коммерческой точки зрения. Имя Месмера всегда было нарицательным. Именно он впервые применил термин «раппорт» и внес некую ясность в теорию внушения.

– А что за Ганзен?

– Не помните доктора Ганзена? Да, вы еще тогда и не родились... В Петербурге он давал сеансы по 200 рублей за вечер, устраивал их с актерами, с которыми условился заранее. Был очень популярен, но его разоблачил профессор Мержеевский.

Грених помолчал, припоминая слухи о гипнотизере-неудачнике, которого позвали в круг медиков, заранее предубежденных против гипнотизма.

– Так бывает, – продолжил он после паузы, – если шарлатан, желающий обогатиться, немного медик и понимает худо-бедно суть человеческой психологии. Скажи больному то, что он желает услышать, и пациент всецело в твоей власти, он станет верить в любую несуществующую болезнь, какой угодно чуши, и тем паче устремится всем своим существом к тому, кто даровал надежду на исцеление. Это невероятная власть. В руках бескорыстного – дар, волшебство, чудо, а меркантильный подведет больного к краю могилы. Или того хуже – сотворит масковую истерию.

– Но вот в книгах Владимира Михайловича «Гипнотизм» и «Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение» все очень даже серьезно и научно изложено. Никакого шарлатанства быть не может!

– Ну а брошюрки, которых сейчас полно, в духе неомесмеризма? – Грених глянул в светлое, раскрасневшееся от возмущения лицо Пети и дернул краем рта в мягкой улыбке. Разница меж ними в семнадцать лет прощала наивность стажера. – Увы, если было бы возможно разливать людскую доверчивость во флаконы и продавать ее в аптеках, на том давно бы сколотили целое состояние. До того средство действенно! Ну что ж, нас ждет вскрытие. Прежде нужно понять, кто эти люди, а уж потом попробуем выяснить, с кем водил знакомство жилец из дома в Трехпрудном, явно с кем-то важным, раз жил один.

Убитыми оказались один из сотрудников райфинотдела, который курировал Сахарпромтрест, и знаменитый вор-рецидивист из Новгорода Тимохин, шумевший своими налетами два года назад, арестованный и совершенно неведомо как оказавшийся в Москве на свободе. Вор бежал, но побег не предали огласке. Числился он на Октябрьском сахарном заводе, с собой имел фальшивое удостоверение личности.

Прежде чем сжечь тела кислотой, жертв раздели донага и удушили – фининспектор умирал долго и мучительно, вору быстро переломили хребет. С момента смерти до обнаружения первого прошло больше суток, второго – часов восемнадцать-двадцать. Первого убили за день, где-то, судя по трупным явлениям, в другом месте; второго, скорее всего, уже в жилище Шкловского. В самой квартире никаких следов, убийца, видно, обернул ноги тряпками.

Самое интересное другое: в ходе обыска квартиры фининспектора были найдены документы, изобличающие того в крупном взяточничестве, а председателя сахарного треста – в больших недостатках на нескольких заводах, которые сотрудник райфинотдела покрывал. В ответ на принудительное снижение цен тресты часто шли на незапротоколированные сделки, возникала разница фактических и отчетных отчислений в фонды улучшения быта рабочих, всплывали раздутые наградные и связь с посредниками-спекулянтами. Большие партии сахара отпускались по заниженным ценам, проходили через несколько рук. И тут на тебе – целая гора фальшивых отчетов! И это трест, находящийся в подчинении государства!

«Финансовая газета», «Экономическая жизнь», «Труд», «Рабочая Москва» разродились крикливыми статьями о чудовищных тратах народного бюджета председателем треста, повязанного как с частниками, так и с ворами, возмущались, что фининспектор был найден в компании с рецидивистом. Заголовки мелькали намеками на неведомого Робин Гуда, затейливо использовавшего товар, которым промышляли нэпманы, для того, чтобы разоблачить их связь с преступным миром и с неблагонадежными сотрудниками финансовых отделений.

Вместо того, чтобы сместить фокус на поимку таинственного мстителя, все радовались фееричному обнаружению спекулянтов и возможной вероятности снижения цен на сахар в ближайшем будущем. Радость эта дошла до того, что в журнале «Огонек» появилась забавная карикатура, изображающая незнакомца в плаще и маске, наподобие персонажа американского немого кино, которого играл Дуглас Фербенкс, – как раз Совкино приняло решение о широкой демонстрации зарубежных лент, и с блеском вышел на экраны «Знак Зорро».

Образ Зорро очень быстро приклеился к таинственному незнакомцу, превратившему тела спекулянтов в две черные окаменевшие фигуры, которых точно настигла некая высшая кара.

– И как мне теперь вести дознание? – рычал на совещании Мосгубсуда взбешенный Мезенцев, щека которого дергалась теперь почти непрерывно. – Если я его поймаю, то получается, что буду против народного героя.

– Поймать надо как можно скорей, – отрезал заведующий уголовного отдела Брауде, захлопывая папку с делом. Это был высоколобый, худой, жесткий и прямолинейный человек. Но маленькие круглые очки добавляли его внешности нотку незащитности, оттого не было так страшно, когда он, стуча кулаком по столу, распекал своих сотрудников.

– Но... – начал было старший следователь.

– Никаких «но»! Это вы, Сергей Устинович, вели дело о недостатке в Сахарпромтресте. Старший следователь побелел.

– Сколько вы с ним танцы танцевали? – наступал на него заведующий уголовным отделом. – С председателем Радиловым и тамошними фининспекторами? Полгода, год? А теперь вам этот мертвый фининспектор манной на голову?

– Что ж, я повинен, что так случилось? – едва шевелил посиневшими губами Мезенцев.

– Черная пена... – плевался Брауде, – черт знает что такое! Разберитесь быстро, чисто и красиво. Иначе этот псевдогерой почувствует свою безнаказанность и выступит вновь. Нам второго Леньки Пантелеева⁵ не надобно. Ленинград его до сих пор помнит. И помощи такой – тоже. Сами разберемся! Таких персонажей следует держать в кулаке, – и Самуил Максимович, уронив локоть на папку, сжал кулак и пригрозил им поочередно старшему следователю, Леше

⁵ Петроградский налетчик, совершивший самые дерзкие разбойные нападения в 1920-х.

Фролову, Пете Воробьеву и Грениху, которого вызвали в качестве эксперта судебной психиатрии, чтобы он составил психологический портрет незнакомца, ко всему прочему владеющего техниками гипноза.

Брауде воспринял с недовольством появление в банде грабителей гипнотизера. В защиту гипнотического метода выступало ныне слишком много заинтересованных лиц, чтобы его перестать изучать из-за возникшего казуса. Даже напротив, Грениху было велено изучать его еще интенсивней, чтобы если и идти против врага, владеющего этой техникой, то уж быть хорошо вооруженным.

Глава 3. Пьеро-Коломбина

Грених застал балаганчик Риты Марино за демонстрацией нового представления через неделю после того, как она скрылась, покинув Александровский сад. Трамвай «А», на котором он ехал в Губсуд, завернул к кинотеатру на Арбатской площади и остановился напротив здания с колоннами магазина № 7 Госмедторгпрома, бывшего торгового заведения Келера. Фургончик стоял на углу здания. Толпа собралась внушительная, вагоновожатым проезжающих мимо по Бульварному кольцу трамваям приходилось исступленно звонить в колокольчики, чтобы согнать с рельсов зевак. Сегодня гвоздем программы были акробатические номера, даваемые чернокожей барышней. Одета в костюм Арлекина, та демонстрировала на постеленном прямо на мостовой у входа в магазин ковре такие чудеса гибкости, что у зрителей захватывало дух.

Рита сидела сбоку в кустарно сшитом костюме, представляющем наполовину Пьеро – нескончаемые белые полотнища, длинные, волочащиеся по полу рукава, – наполовину Коломбины, как в партии Щелкунчика: полупачка в ромбах и сбившийся набок бант в волосах. Грених с горечью отметил, что Рита отрезала свою длинную шевелюру по плечи. Продев в прорезь рукава костюма Пьеро тонкую руку, она держала мандолину и пела заунывную песенку под собственный аккомпанемент. Африканка продолжала извиваться.

Грених стал протискиваться в первые ряды зрителей и встал в двух шагах от ковра. Он мог видеть лицо Риты и ее короткие теперь волосы. Нарисованные тушью полумаска вокруг левого глаза и огромная слеза на правой щеке придавали ее чертам какую-то изломанность, абстрактность. Весь ее облик напоминал образ, сошедший с полотен Кандинского, – слева эти ромбы, нога в чулке, справа бледные простыни, мандолина в руках. Черные пряди оттеняли и без того белое, кажущееся мертвым лицо, выражение которого пугало: Рита смотрела перед собой пустым взглядом мумии – так выглядят самоубийцы перед тем, как совершить решающий шаг, или усопший, которому еще не закрыли веки. Так смотрел отец Грениха перед тем, как, обозвав сына Иудой, выстрелить себе в голову.

Весь номер он стоял оцепеневший от неприятного чувства, прикованный взглядом к бело-пестрой фигурке, скромно примостившейся у края ковра, а на хитросплетения ног и рук африканки так и не взглянул. Застыл, поглощенный изменениями мимики самозабвенно поющего Пьеро-Коломбины, надрывно подергивающей вычерненной бровью. Иногда Рита специально поворачивала голову, являя публике то одну половину лица, то другую, и начинала петь то контральто, то сопрано. Ни образ Пьеро, созданный Сезанном, ни Коломбина из «Щелкунчика» не были столь яркие, нежели нынешнее воплощение Риты. Она связала эти персонажи в одно целое, да так искусно, что Грених не мог отделаться от мысли, что видит в ее образе две в обнимку сидящих фигуры.

Комедиантку жизнь вылепила из балерины превосходную. Все-таки ее главным и единственным призванием была сцена. Рита могла бы добиться несоизмеримых высот в театре, но ее внутреннее беспокойное начало вечно требовало острых ощущений и настоящего безумства. Именно оно и толкнуло ее – личность творческую – в объятия сумасброда Максима, и оно же, похоже, не даст ей задуматься о карьере более серьезной и продвинуться дальше уличных представлений.

Когда чернокожая девушка, назвавшаяся Таонгой, принялась отвешивать комплименты публике, а потом двинулась с перевернутым цилиндром по кругу, чтобы собрать гонорар, Пьеро-Коломбина покинула свой угол и, взгромоздившись на ловко подставленный перед входом в магазин Госмедторгпрома табурет, затянула свою двухголосую песенку громче, с итальянского сойдя на русский, но продолжая коверкать слова на итальянский манер, прибавляя к ним то гласную «о», то «е». Получалось, что песенка состояла из слов только среднего рода и

наречий, публика хохотала, тем более что словечки в них все сплошь попадались острые, под стать Бим-Бому и Бип-Бопу.

Силач Барнаба подавал Рите табуреты. Не замолкая ни на мгновение, она подхватывала табурет и водружала один на другой, поднималась на верхний и продолжала играть на инструменте и петь песенку.

Грених понял, что этим дело не кончится. Тяжелое чувство переросло в клочущее предчувствие недоброго. Мелькали табуреты – четвертый, пятый, шестой. Силач уже подкидывал их высоко наверх, Рите приходилось ловить. И с каждым разом делать это было все сложнее. Парочку поймать не удалось, они с грохотом разбивались у ног ахнувшей толпы. Грених хотел верить, что вовсе не неловкость причина того, что табуреты падали, а жажда зрелищности – циркачи таким образом показывали, как высоко их сооружение и какому риску подвергает себя Пьеро-Коломбина на радость публике.

Рита уже смотрела на зрителей с высоты второго этажа Госмедторгпрома. Ее голова достигла уровня портика и полукруглого архитектурного элемента над ним. Грених стал распихивать толпу, почему-то оказавшуюся перед ним – люди хлынули к артистам, тесно обступили башню из табуретов.

Подлетел регулировщик, неистово замахал артистке, крича, что та мешает движению, что подобные представления есть угроза уличной безопасности, что деревянные табуретки, повалившиеся с небес на мостовую, заденут головы граждан. Арлекин и Силач с невозмутимым видом стояли в стороне и, точно два глухонемых, не обращали никакого внимания на нервные излияния милиционера. Тот же совершенно не знал, как подступить к пирамиде. Бегал кругом, задрав голову и придерживая на затылке фуражку.

Пьеро-Коломбина глядела на него, как на букашку, а потом осведомилась, перекрикивая галдеж внизу, не желает ли товарищ милиционер, чтобы печальный Пьеро спустился со своей Коломбиной. Тот умоляющим тоном попросил сделать это как можно осторожней, чтобы пирамида не рухнула. Подоспели милиционеры из соседнего участка, привлеченные небывалой загруженностью на Арбатской, ведь уже принялись останавливаться извозчики, грузовые машины, телеги и автобусы. Никому не было проезда, людей собралось, будто в дни Октября.

Рита вытянула два пальца, поднесла их к виску и, сделав движение рукой, имитирующее выстрел, дернула в сторону головой и сорвалась вниз.

В глазах у Грениха потемнело, уши заложило от громкого всеобщего вскрика – толпа заверещала, как на скачках, волной отхлынув от табуретов.

Разноцветная фигурка камнем полетела вниз, но первым грохнулся о мостовую музыкальный инструмент. Пьеро же повис на невидимом тросе в полуметре над землей. Повис марионеткой, брошенной бездушным кукловодом, словно нечто переломило горемыке-артисту шею. Руки и ноги Риты беспомощно болтались в воздухе, развевалась шелковая белая одежда, трепетала цветастая пачка, подбородок уперся в ребристые брыжи, с головы слетел и плавно опустился на камни бант. Но едва милиционеры бросились к ней, чтобы помочь выпутаться из веревок, Рита вскинула голову и громко, надрывно расхохоталась. Милиционеры от неожиданности отскочили на добрые метра три назад, один даже потерял равновесие и упал. Толпа загоготала от радости и довольства – забава была оценена.

Этот цирковой номер, как было положено всякому трюку, содержал секрет, состоящий в конструкции тонких стальных тросов, наподобие тех, которые используют канатоходцы, натянутых меж двумя колоннами у входа в магазин. Добравшись до них, Рита должна была незаметно зацепить крюк, спрятанный под ее объемной одеждой и являющийся частью цирковой страховки. Табуреты укладывались друг на друга ножками в небольшое углубление в сидушке, вроде шип-паза, кроме того, они были основательно вымазаны хорошим клеем. Поэтому башня бы не рухнула, милиционеры беспокоились напрасно, а зрители, пока не разглядели натянутых

над собственными головами тросов, успели испытать все разнообразие чувств, которые способен вызвать хорошо отрепетированный фокус.

Эти и многие другие тонкости пришлось раскрыть разъяренным милиционерам, уже вынудившим наручники. Роль громоотвода взял на себя Барнаба, который прежде поднял и уложил башню из табуретов вдоль улицы, чтобы она не упала кому на голову. Некто из толпы его переводил. Добродушно улыбаясь, итальянец на ломаном французском отшепелявил заученное заранее объяснение, размахивая при этом увесистыми красными ладонями, – видно, имелся опыт бесед с правоохранительными деятелями в других городах и странах. Такому оратору трудно было не внимать. Да и толпа бурно требовала отпустить артистов, ведь ничего дурного они не сделали. Пошумев, повозмущавшись, участковые удалились, предупредив, что в следующий раз артисты будут объяснять секреты своих фокусов в арестантских камерах. Увы и ах, фургончику придется на некоторое время залечь на дно, больше ему эпатировать москвичей не позволят.

Рита не могла скрыть ярости, она рассчитывала остаться безнаказанной и добиться разрешения показывать эту акробатическую сцену и многие другие свои задумки – с болонками танцевать ей уже наскучило. Она бросилась милиционерам вслед, размахивая разбитой мандолиной. Африканка успела ее удержать. Когда Грених подошел, Рита отвернулась и зашагала к фургончику.

– Что ты увязался за мной? – грубо огрызнулась она, растирая кулаками уже ненужный грим по лицу. – Пришел посмеяться? Уходи!

– Да чего ж так болезненно реагировать на неудачи? – Ритина злость смешила Грениха. История с башней завершилась крошечным наказанием – пару недель труппе будет нечего делать. Зато все остались живы, здоровы и свободны! Он испытывал вполне естественное чувство облегчения и собирался утешить Риту, но она продолжала огрызаться из-за шторки и гнала его.

– Ты всегда только и смеялся надо мной!

– Да когда же?..

– Уходи! – И добавила, бросив силачу: – Барнаба, запрягай! *Prendi i cavalli. Andiamocene da qui.* Поехали отсюда.

Здоровяк, все это время безучастно сворачивавший реквизит, приблизился к профессору. Но вместо того, чтобы окатить того недобрый взглядом, лишь пожал плечами и принялся затягивать ремни на оглоблях. Потом забрался на козлы. Повозка тронулась и исчезла за поворотом.

В последующие несколько дней от Риты не приходило никаких вестей. После службы Грених как заговоренный садился на трамвай «А» и ехал на Арбатскую, а потом шел к памятнику Тимирязеву. Обходил пешком набережные, площади, все облюбованные ее труппой местечки – а вдруг, вопреки запрету милиции, она вновь затеяла свои представления. Но разноцветного фургончика не было видно ни на Бульварном кольце, ни на набережных.

Высшие силы сжалились над профессором только спустя две недели – он увидел Таонгу из окна трамвая № 34. Одетая в короткое, до колен, простое платье, держа в руках корзинку, она шла по Пречистенке мимо бывшей усадьбы Морозова. День стоял серый, пасмурный, ветерок все норовил сорвать с головы Таонги соломенное канотье. Увидев ее, Грених бросился к выходу, соскочил с подножки трамвая так резво, что подвернул лодыжку. Хромая на бегу и чертыхаясь, он бросился догонять африканку.

– Куда же вы исчезли? Где Рита? – выпалил он, преградив ей путь.

Таонга встала перед ним как вкопанная. Лицо ее было олицетворением непроницаемости, словно выточенная из черного дерева древняя маска идола. Она приподняла подбородок, глянула на профессора темными, чуть раскосыми глазами с красноватыми белками и промол-

чала, мол, мы с вами, товарищ, не знакомы. Грених почувствовал, как его точно окатили холодным душем, – артистка не понимала русской речи.

Тогда Константин Федорович повторил вопрос по-французски, надеясь, что африканка потрудилась выучить хоть пару фраз на языке Ронсара, раз была из Парижа. Но и тогда она промолчала, глядя на Грениха долгим изучающим взглядом.

– Неужели что-то случилось? – как-то бессознательно вырвалось у него.

– Слючилось, – зло процедила вдруг африканка, разлепив толстые губы и обнажив рядок маленьких, остреньких, ослепительно-белых зубов. Тут ее прорвало. Она принялась сыпать пригоршнями непереводаемых морфем, в которых свистели и иглами сыпались гласные, звенели и заставляли дрожать воздух тяжелые «думба» и «мбва». Грених аж зажмурился на мгновение. Лицо африканки изменилось до неузнаваемости, черты страшно исказились, глаза выпучились и вращались, ноздри вздулись – идол ожил, разгневался и готов был поразить громом и молнией осмелившегося его потревожить.

– Погодите, гражданка... Таонга, я ведь не говорю по-вашему, – профессору наконец удалось вставить в небольшую паузу мольбу о пощаде.

На мгновение лицо африканки снова приняло прежнюю невозмутимость, она чуть повела бровями, выказывая удивленное недовольство, быть может, тем, что не понимает слов Грениха, или же, напротив, тем, что осталась непонятой им. Потом внезапно взяла его за руку и повела к трамвайной остановке. Подоспел вагон, она решительно забралась внутрь. Грених последовал за ней.

Усевшись на скамейку внутри вагона, Таонга принялась рыться в своей корзинке и вынула из ее недр кучу смятых бумажек, оказавшихся рецептурными бланками. Грених принялся расшифровывать почерки гениев фармации. Это были покупки из аптек на Большой Садовой, из «Аптеки Кооперативов, рабфаков и вузов», из «Гомеопатической» и «Аптеки Мосздраотдела», из каких-то незнакомых ветеринарных магазинов. Таонга взяла один из листков и ткнула пальцем в запись, сделанную на развороте:

– Адрес, адрес, – моя на Рита. Траумвай. Арака джуу!

– Денисовский переулок, дом № 24?

– Ндьё! Дэнисувасовски! – закивала африканка. – Ндьё!

Сойдя у Чистопрудного бульвара, пешком они двинулись через Покровку, бывшую Старую Басманную, Гороховским переулком мимо чуть ли не готического в красном кирпиче с высокой башенкой замка несуществующего ныне приюта евангелического попечительства, мимо здания женской гимназии, где открылась школа, притихшая в дни каникул, – уже начался июнь. Наконец Таонга остановилась и указала на желтое с каменным цоколем страшно обшарпанное здание. Второй этаж его был деревянный, кровля усеяна куполками с крошечными слуховыми окошечками. Цирковая труппа обосновалась в меблированных комнатах на втором этаже.

Грених торопился увидеть Риту, не на шутку обеспокоившись, – она выписывала какие попало лекарства на протяжении двух недель, что он ее не видел. Там были и сердечные капли, и пилюли от мигрени и бессонницы, и хинин, и небезопасные стрихнин и формалин. На все вопросы, которые он задавал африканке по дороге, та принималась с жаром посыпать голову профессора камнями произносимых африканских слов, хотя иногда довольно ясно произносила русские фразы, и не было понятно: то ли она попугаем повторяет за Гренихом, то ли это ее попытка ответить.

– Зачем ей так много лекарств?

– Так много, – сокрушенно покачала головой Таонга.

– Она больна?

– Больна, кази больна. Джяр!

– Джяр? Что это, черт? – Грених уже готов был хвататься за голову и кричать.

– Джяр! – с негодованием вскричала Таонга, прижав руку сначала к своему лбу, затем ко лбу Грениха. – Джяр!

– А-а, жар! То есть лихорадка! Лихорадка? – глаза профессора округлились.

– Ндье, лыхольатка. Ее мбва умирай – смначальа моджа и дврукой. Это болезинь. Рита умирай!

– Что такое «мбва»?

– Мбва, – повторила Таонга и внезапно издала лающий звук. Теперь Грених знал, что «мбва» – значит «собака».

И это все, что удалось вытянуть из юркой чернокожей гимнастки. Константин Федорович едва не бежал за ней по темным коридорам и лестницам бывшего доходного дома, полузаброшенного и разобранного на коммуналки и меблированные комнаты. Вероятно, ее цирковые болонки подхватили какую-то собачью инфекцию и издохли, и горе Риты обернулось лихорадкой.

В квартире циркачей, состоящей из двух комнат, ограниченных с одной стороны свежей перегородкой, царил беспорядок. Нераспакованные саквояжи и чемоданы, скрученные канаты, деревянные блоки, стальные обручи, длинные шесты, украшенные цветными, перепачканными в застарелой уличной грязи лентами, и прочий цирковой реквизит. Круглый обеденный стол, три стула, кресло были завалены одеждой. Зачем-то плотно занавесили окна. Вдоль стен стояли клетки с птицами – там были попугаи, кречет, редкий белоголовый орлан и сойка, которая тотчас загорланила, передразнивая африканку. В коробках шуршали питон, две кобры, игуана – кровь в жилах стыла от шороха, раздающегося за тонкими стенками. Все болталось под ногами в страшнейшем хаосе под сенью высокого потолка с вычерненной копотью лепниной и стен в ветхих обоях, бывших когда-то золотисто-пурпурными.

Увидев Грениха, громила Барнаба воздел руки к потолку, пробубнив благодарственную какому-то из итальянских святых, сойка за ним повторила. Грених почувствовал себя попавшим в дурной сон, нашептанный на ночь братьями Гримм.

– Рита, Рита... – запричитал итальянец, перекрикивая птицу, но Грених нервно вскинул руку, жестом заставив громилу замолчать – он больше бы не вынес еще и его объяснений. И решительно отправился к закрытой двери, за которой пряталась Рита.

Утопающая во тьме маленькая спальня Риты заставила сердце Грениха похолодеть. С темно-сливового цвета обоями, с занавешенным по-траурному зеркалом, с грудой пестрых одеял, наваленных на кровать, и миниатюрным туалетным столиком, на котором пылью покрывались медицинские пузырьки и баночки вперемешку с пуховками и гребешками, она была похожа на склеп. День и без того был серый, несмотря на начало июня и летний сезон в разгаре, а в эту сырую и затхлую пещеру не проникало ни единого луча света, не говоря уже о свежем воздухе.

Грених устремился к окну и двумя резкими движениями раздвинул плотные шторы, от которых хлынул поток пыли. Одной рукой он зажал нос и рот, другой принялся за ставни и рамы. Через минуту те с хрипом и стоном распахнулись, впустив свежий, влажный воздух с запахом дождя.

Шум разбудил больную. Гора одеял зашевелилась, из-под нее показалась тонкая, худая рука, следом взлохмаченная черноволосая голова.

– Таонга, что ты творишь! – раздалось хриплое. – Меня опять продует.

– Это не Таонга. Это я – Костя. Пришел проведать.

С этой своей синюшной кожей, включенными волосами и неестественной худобой Рита была похожа на демона, пробужденного в неурочный час. Она откинула одеяла, вскочила на ноги прямо в постели и точно вампир, на которого обрушили потоки солнечного света, отпрянула к стене, прижавшись к ней спиной. Комичность ее виду придавала длинная, до пят, спальная рубашка.

– Зачем ты его привела, паршивая предательница! – взревела Рита со страшной гримасой боли в лице. И затараторила на итальянском, бросая в сторону Таонги подушки. Та ей отвечала на своем булькающем диалекте, возвращая подушки обратно.

Несколько долгих минут женщины жонглировали подушками и ругались, будто устроив очередное представление. С итальянского Рита переходила на французский и русский, грозила выцарапать деверю глаза, если тот не вышвырнет незваного гостя вон. Барнаба бормотал себе под нос, извиняющаяся мотал головой, упорно отказываясь следовать ее приказу, африканка потрясала кулаками. Наконец, видя, что напрасно теряет силы в неравном бою, понимая, что ее окружили и готовы сломить, Рита обратила взгляд к профессору. Лицо ее приняло выражение строгости.

– Уходи, Костя. У меня что-то очень заразное, вроде испанки. Я опасна. Ты можешь заразиться! – проговорила она ослабевшим и чуть хриловатым голосом.

Вместо ответа Грених подхватил одной рукой стул, с которого свалились плащ звездочета, смятый парик и какие-то тряпки, приставил его к кровати и сел.

– Ложись, посмотрю, – сказал он безапелляционным тоном доктора, который привык, что его просьбы мгновенно удовлетворяются. И, обернувшись к двери, где стояла Таонга в обнимку с подушкой, а за ее спиной Барнаба, согбенный под тяжестью дверного проема, добавил: – Нельзя ли лампы? Или свечи? Сегодня как-то смуро очень, да и дело идет к ночи.

Барнаба понял, исчез. Вдогонку ему Рита кинула непристойное итальянское ругательство. Голос ее, хоть и хриплый и надрывный, однако не был безжизненным, как при настоящей лихорадке. Осип он лишь от длительного крика.

Вернувшись, силач поставил на столик у постели зажженную керосиновую лампу и тотчас же попятился назад, согнувшись и опасливо поглядывая на разъяренную Риту.

Грених подкрутил фитиль, свет озарил кровать.

– Спускайся уже, – попросил он.

Некоторое время Рита стояла, поджав губы. Но потом медленно опустилась у самого дальнего угла кровати и села по-турецки.

– Хорошо. Но ближе не подойду. Боюсь заразить.

– Я уверен, нет у тебя никакой испанки, эпидемия давно позади.

– Нет, есть! Мои болонки одна за другой издохли меньше чем за неделю. Я сделать ничего не успела. Их охватила лихорадка, слабость, они ничего не ели, глаза стали желтыми, а потом они издохли.

– И что? Такая инфекция человеку не угрожает.

– Почему тебе знать? Ты – патологоанатом, а не врач! А я меж тем... умираю!

И сказано это было со столь знакомой драматичностью, что Грених не удержался от улыбки, вспомнив юную Риту, которая была таким живым и непосредственным ребенком в свои восемнадцать, когда они только впервые встретились.

– Я докажу, что ты не заразна и не умрешь.

– Как?

– Мне нужно осмотреть тебя. Подойдешь ближе? Ну? – он протянул ладонь.

Рита сидела, скрестив на груди руки и отвернувшись.

Таонга тихо шагнула назад за порог комнаты, потянув за собой створки. Рита глянула на закрывающуюся дверь так, словно ей отрезали последний путь к отступлению. В спальне остались только она и Грених. Осознав комичность своего поведения, Рита вернулась под ворох одеял.

Грених пересел со стула на край постели, оперся рукой о подушку, нагнулся к ее лицу и стремительно, жарко поцеловал. Рита вздрогнула от столь бесцеремонной резвости и не сразу сообразила оказать сопротивление. Он застал ее врасплох, задумал свое преступление не за

мгновение до его исполнения, а тщательно все взвесил и спланировал. Распрямылся и смотрел на нее с довольной полуулыбкой.

– Теперь мне придется умереть вместе с тобой.

Рита хотела надуться, отвернулась, но против воли ее губы тоже расплылись в улыбке.

Они долго молчали. Грених смотрел на нее, она в потолок, ее улыбка постепенно исчезала, его тоже. Эта мимолетная страсть – как видение, тень – рассеялась. И они стали прежними: обиженными, нервными, злыми друг на друга.

– Где он? – наконец спросил Константин Федорович.

В лице ее застыла мрачность, какая была в тот день, когда она, облаченная в нелепый цирковой костюм, сшитый из двух половинок Пьеро и Коломбины, взбиралась на табуреты.

– Нет больше, – издала она глубокий протяжный вздох. – Сгинул в Сальпетриере.

– В Сальпетриере? – ужаснулся Грених. Макс боготворил эту психиатрическую клинику и его создателя – Шарко.

– Сидел на люминале⁶, был точно живой труп, заикался, не мог держать ложку в руке. Как он таким вообще мог пойти работать в клинику! Совершенный упрямец... В Европу мы уехали тогда вместе и недолго жили в Париже. Это еще до Италии было, – ее лицо изменилось, она скривилась и, внезапно вскочив на ноги, закричала: – Не хочу! Не хочу вспоминать. Я ведь и вправду повеситься хотела, прилюдно, театрально, чтобы ты навеки меня такой запомнил. Оставалось только страховку снять. Не смогла – их жалко, – она мотнула головой в сторону двери, очевидно, имея в виду свою труппу, – без меня погибнут.

Грених сидел на краю постели отупевшим истуканом, не шелохнувшись на внезапный приступ ярости Риты. Весть о смерти Макса проникать в сознание не желала, птицей билась в виски, он стиснул челюсти, не пускал. Нет, быть не может, что он умер. Такие, как он, не умирают, они цепляются за жизнь всеми средствами... Врет, гадюка.

Он поднялся, повернул к двери, взялся за ручку. Долго стоял к Рите спиной, а потом выдавил беззвучно:

– У нас в институте медсестер не хватает для проекта по гипнозу. Ты в этом кое-что смыслишь, была ведь свидетелем его сеансов. Приходи, хоть какой-то заработок, пока не разрешат давать ваши эти представления.

Открыл дверь.

– Завтра, в восемь утра. Не опаздывать, – и вышел.

---

⁶ Торговая марка фенобарбитала.

Глава 4. Институт имени Сербского

Нынешний институт судебно-психиатрической экспертизы, названный в честь Владимира Петровича Сербского⁷, большей частью пока еще был обыкновенной городской психиатрической больницей на Пречистенке с отделением для арестованных больных, несколькими лекционными залами и планами перерасти в исследовательский центр судебной психиатрии. Персонал состоял из заведующего Евгения Николаевича Довбни, его зама – Фейнберг, заведующих отделениями Введенского, Краснушкина и Грениха, двух младших ординаторов и нескольких больничных служащих – надзирателей и медицинских сестер – нынче с легкой руки Семашко так звали сестер милосердия. Грених не соврал, их не хватало, и, предлагая Рите место в больнице, рассчитывал убить двух зайцев: пристроить родственницу и заполучить расторопную медсестру.

Революция несколько стряхнула с больницы мрачный ореол учреждения презрения душевнобольных преступников, в прошлом это был Пречистенский полицейский дом. В 1920 году к невысокому двухэтажному зданию за каменным забором, воротами выходящему на Кропоткинский переулок, пристроили третий этаж, кое-как вычистили помещения трудами персонала. Там открыли лекционные залы, читали доклады, вели разработку научных основ судебной психиатрии, проводили экспертизы и активно водили студентов на экскурсии: показывали психофизиологическую лабораторию со страшными приборами, привезенными еще до войны из Германии, и музей, где выставлялись картины и другие произведения искусства некоторых больных. Отделение арестованных продолжало принимать больных, направляемых следственными органами. Подчинялся институт Главному управлению мест заключения ОГПУ.

Но, несмотря на такое пугающее соседство, исследовательскому центру удалось создать репутацию клиники. Константин Федорович вел консультации, расширил число коек, уверив Довбню, что институт сможет существовать, только если обзаведется хорошей почвой для исследований. А какие исследования без больных? Какая статистика без большого числа данных? На одних только арестантах изучать судебную психиатрию не получится.

– Заключение тем неудобно, – объяснял Грених на очередном собрании института, где решался вопрос, какой курс должны взять его сотрудники, – что их природа скована решеткой и стенами. Свободные больные – как вольные зверятки на природе. За каким тигром интересней наблюдать? За тем, что в зоопарке? Свою истинную сущность он проявляет только на воле.

Закрепленная за должность заведующего отделением квартира при больнице на втором этаже мужского отделения спокойных и полуспокойных больных, состоящая из четырех комнат, коридора и ватерклозета с ванной, была разобрана на кабинеты и палаты. Спальню со всей тамошней мебелью (только кровать вынесли) и стеллажами из карельской березы, нынче хранящими архивные данные пациентов, отдали под приемный кабинет Грениха. Там оставили письменный стол, кушетку, обитую синим вельветом, и ширму с китайскими драконами, в которой цветной шелк заменили белым хлопком. Гостиную и две другие комнаты отдали под палаты, в которых больница всегда испытывала недостаток.

Проживать здесь Грених все равно бы не смог, не поместишь же Майку, двенадцатилетнюю школьницу, среди больных, половина из которых была преступниками, – те часто шумели, выкидывали неприятные шутки, бывало, предпринимали попытки самоубийства или нападения на врачебный персонал и друг на друга. Это могло серьезно навредить психике ребенка. Хотя Майка, услышав, что ей, возможно, предстоит жить в психлечебнице, испытала дикий восторг.

⁷ В. П. Сербский (1858–1917) – русский врач-психиатр, основоположник судебной психиатрии.

Грених остался в старой родительской квартире в доме, принадлежавшем когда-то одной чайной промышленнице и разобранном на коммуналки. Он занимал две самые большие комнаты на третьем этаже – по злой иронии кабинет, в котором застрелился отец, и его спальню. Пока в доме не появилась Майка, Константин Федорович держал комнаты в таком захламлении, что жильцы уже готовы были его выселить. И выселили бы, если бы управдом, сочувствующий профессорской семье, вовремя не вмешался.

Грених собирался нанять работницу, но девочка, воспитывавшаяся три года в детдоме, воспротивилась и принялась наводить порядок по своему умению. Ей в помощь пришла сначала одна соседка, потом вторая, предлагали ведра, щетки, куски щелочного мыла. После учебы часто приходила Ася. И через месяц Грених не узнал собственного жилья, хотя по-прежнему не мог подолгу оставаться в этих стенах и чаще ночевал на Пречистенке на кушетке для больных. Майка завела знакомства почти со всем домом, кто-то учил ее готовить, Грених радовался, что ребенок не остается голодным, кто-то помогал с уроками, он не противился.

Но при всей своей неопытности в отцовстве образованием дочери он все же занялся сам и всерьез. Нашел школу – хорошую, старого образца, бывшее городское училище, «капцевку» с директрисой, держащей детей в ежовых рукавицах. Заполнял полки книжками, которые тщательно выбирал, следя, чтобы издания были не позднее 1910 года, за редким исключением. У Майки были и новые платица, и школьная форма, и куклы, с которыми она не особенно возилась. Учебники ей в школе не выдали – с этим было туго, и Грених собирал их по книжным развалам.

Девочка принялась учиться со всей своей внутренней экспрессией, заявив, что не допустит ни одной четверки, экстерном перескочила из первого сразу во второй класс, а сейчас окончила и третий.

Возвращаясь в квартиру на Мясницкой, Грених находил дочь в чистоте, сытой и вечно корпящей над учебниками за тем самым столом, с которого еще не сошли пятна крови ее застрелившегося деда, в окружении полок с остатками книг, что тот читал, по которым учил своих студентов. Теперь с ними соседствовали «Белый клык» Джека Лондона, «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, «Том Соьер» Марка Твена. Майка была так занята, что редко упрекала отца в вечном его отсутствии: должности в Губсуде и Институте судебно-психиатрической экспертизы вполне оправдывали его.

Рита явилась на Пречистенку на следующее утро, едва рассвело, и с порога заявила, чтобы ей выдали сестринскую одежду, – Константин Федорович обещал работу в его отделении. Когда Грених спустился в больничную контору, она, вертя в руках сложенную кружевную омбрельку, всюду убалтывала Петю Воробьева – студент явился еще раньше и рад был развеять уши, улыбался во все тридцать два зуба и хлопал глазами. Константин Федорович прошел мимо, проронив лишь холодное и равнодушное «доброе утро», и отправился – а что еще делать? – сам позвал, – к большой кладовой, где хранили одежду, чтобы дать распоряжение о выдаче Рите платья медсестры.

Та даже несколько опешила, когда подошла одна из медицинских сестер и вручила ей аккуратный прямоугольный сверток серо-белой расцветки.

– Идемте, гражданка, в гладильне переоденетесь, – хриповатым, не выславшимся голосом проронила служащая.

Рита вскинула глаза на Грениха в белом халате, стоящего в дверях приемного покоя.

– Обход начнется через десять минут, – сказал он, шелкнув крышечкой часов.

Сегодня Грених намеревался провести несколько процедур прямо на месте. Порой он не делал из болезни пациента секрета, позволяя соседям по палате стать свидетелями того, как работает его метод, а то и поучаствовать в этом. Он тщательно наблюдал не только за гипнотизируемым, но и за остальными пациентами. Сами того не осознавая, они мотали на ус. Это был двойной сеанс внушения с непростой схемой проведения, поскольку слова и интонации

Грениху приходилось подбирать такие, чтобы они имели воздействие на всех сразу. А сегодня к ним присоединилась и Рита, которой нужно было внушить мысль, что негоже заниматься пустопорожним самобичеванием – надо выбросить из головы суицидальные мысли и прекратить изображать из себя несчастную, когда вон сколько настоящих больных.

Рита вышла в приемный покой в милом образе сестры милосердия – форму ей выдали старого образца, сшитую еще до революции, с красным крестом на груди. Она стерла с лица легкий грим, короткие теперь волосы упрятала под белую вуаль. Форменный головной убор, мягкой волной спускающийся на плечи, обнимал лоб и щеки, все еще хранящие следы болезни.

Грених молча указал путь. Все трое – он, Рита и Воробьев – поднялись на второй этаж, завернули налево, пошли коридором спокойного отделения. По правую и левую руку через открытые двери были видны чистые палаты для одиночных больных, палаты с четырьмя, шестью и двенадцатью койками. Далее шла библиотека с дверью в столовую, буфет с плитным очагом и психофизиологическая лаборатория – на ее двери всегда висел огромный замок для защиты от ушлых студентов, то и дело норовящих произвести беспорядок в психометрических приборах. В конце располагалась большая комната, где по утрам и вечерам собирались пациенты, чтобы обсудить новости, почитать газеты, послушать радиоприемник.

Константин Федорович зашел, поздоровался, представил Риту новой медицинской сестрой. Рита сделала изящный книксен, ее щеки вспыхнули малиновым румянцем. Грених глянул на ее внезапное балетное па искоса, но тотчас перевел взгляд на больных, мысленно отметив, что одного из них нет. Не сказав об этом ни слова, спокойным тоном объявил о намечающихся процедурах, добавив просьбу через несколько минут занять свои палаты. И двинулся к двери, у которой стоял надзиратель. Когда пациенты вышли, Грених спросил:

– Где Виктор Филиппович?

– Проснулся до петухов и бродит где-то по коридорам, – рапортовал служащий и подмигнул. Грених ответил кивком. Рита, закусив губу, переводила цепкий взгляд с профессора на надзирателя, принявшегося улыбаться и подмигивать новенькой.

Виктором Филипповичем был недавний пациент Грениха с дипсоманией. Лет пятидесяти пяти, с седыми бакенбардами и лысеющей макушкой, он находился в лечебнице уже третью неделю, но Константин Федорович до сих пор не решался применить гипноз, поскольку требовалось отходить изможденный организм пациента после очередного запоя. Профессор ограничивался лишь беседами с элементами внушения без погружения сознания его в гипнотический транс. Мозг Виктора Филипповича был чрезвычайно изношен, потому мог попросту не вынести сеанса. Но с некоторых пор пациент, почувствовавший себя лучше, стал требовать за завтраком столового вина. Ему отказывали, он яростно протестовал и объявлял голодовку, которая обычно длилась до обеда.

– Что ж, – Грених сузил глаза. – С него и начнем. Найти и привести на место.

Рита осталась у двери палаты, не решившись войти, Грених и не настаивал. Ее напугали приготовления и таинственные лица других пациентов, перешептывающихся друг с другом.

– Что сейчас бу-удет! Ой-ё-ё-й!

– Очнется другим человеком.

– Если очнется.

Петя убрал свой блокнот с карандашом в карман и встал рядом с Ритой, обеспокоенно на нее поглядывая, готовый в любую минуту поддержать.

Погрузив алкоголика в гипнотический сон, схожий с состоянием сомнамбулизма, Грених заставил того испытать все муки жесточайшего отравления.

Зрелище действительно было невероятное. Все дружно ойкали, айкали и тихо вздыхали, очень сочувствуя Виктору Филипповичу. На глазах у больничной публики он зеленел, желтел, синел, корчился от боли, вскрикивал, умолял, даже просил смерти и раз свалился с кушетки – пришлось надзирателю и Пете броситься на помощь и вернуть его на место. Апофеозом этой

страшной пантомимы, мрачности которой добавлял давящий, монотонный голос профессора, живописавшего муки в таких густых красках, что делалось невыносимо тошно, стал длительный приступ рвоты у пациента. После Виктор Филиппович сделался таким же бледным, как выкипяченная простыня, на которой он лежал.

Тотчас по шелчку пальцев Грениха явилась медсестра с ведром и тряпкой, быстро распахнула окна, ловко вытерла полы и с помощью двух надзирателей перестелила постель и переодела больного в точно такой же комплект одежды, какой на нем был во время сеанса.

В больнице уже привыкли: если Грених проводил гипнотические представления (так называли это больные), порой имевшие не слишком приятные последствия, рядом всегда дежурила одна из медсестер, заведомо получившая ряд указаний.

Рита по-прежнему стояла с Воробьевым в дверях, прижав ладони к бесцветным щекам, она едва дышала, глаза ее – большие и круглые, как у мыши, – стали еще больше. Грених кивнул стажеру. Тот шагнул в палату, откашлялся и заговорил, обращаясь к пациентам:

– Граждане-товарищи... друзья, помните, вы являетесь самыми главными помощниками в нелегком случае товарища Сабурова. Не заручившись вашей поддержкой, Константин Федорович и думать бы не стал о подобном мероприятии. Если кто нарушит слово о молчании, то сегодняшние мучения пациента можно счесть напрасными: он примется за старое. Продолжаем вести себя так, словно ничего не произошло. Вернитесь к кроватям.

Все молча, согласно кивая, разбрелись по своим углам.

Грених повернулся к больному и, нагнувшись к нему, громко произнес:

– Сейчас вы проснетесь и ничего этого помнить не будете. В памяти останется лишь ощущение пережитого. Проснитесь!

Тот открыл глаза и минуту смотрел перед собой пустым, больным взглядом. Грених поприветствовал его, пожелав доброго утра, сказал, что зашел проведать перед завтраком. И говорил с ним таким тоном, будто действительно зашел минуту назад и никакого гипноза сейчас в помине не было. Больной постонал, поохал, собрался с силами и принялся рассказывать, что видел весьма неприятный сон. Константин Федорович выслушал его, сокрушенно качая головой, и, к удивлению окружающих, объявил, что сегодня, раз уж приснился такой неприятный сон, распорядится, чтобы медсестра ему выдала рюмку водки. По лицу Виктора Филипповича пронеслась болезненная судорога, причины которой он не знал. Он хотел улыбнуться, но лицо скривилось в страдальческой гримасе. Он поднялся и, шатаясь, сделал несколько шагов, не найдя причины и странному головокружению.

– Ты какое-то чудовище, – проронила Рита, когда Грених вышел.

Они направлялись ко второму пациенту с нервным истощением и частыми пограничными расстройствами в анамнезе. Это был худой, жилистый студент, загремевший в институт Сербского сразу после экзаменов. Еще до того, как было произведено внушение Виктору Филипповичу, Грених попросил старшую медсестру занавесить в его палате окна, поставить ширму и перевести всех пациентов в общую комнату, а студента Головина оставить. Теперь тот нервно прохаживался от одной койки к другой, с силой сжимая кулаки и с присвистом дыша, точно в ожидании пытки. Когда вошла старшая сестра и поставила на его тумбочку тибетскую чашу, он обмер и уставился на нее, как на гильотину.

– Помнишь, что это такое, Рита? – спросил вошедший в палату Грених, слегка похлопав Головина по плечу, чтобы тот расслабился.

– Ах, ведь это поющая чаша, Костя! – воскликнула она, подлетая к тумбочке и беря в руки увесистый, похожий на ступку, древний потемневший предмет. – Это ведь чаша Макса, не так ли?

– Так, – кивнул Константин Федорович.

– Он был помешан на всех этих индийских и китайских штучках. Где он только их доставал? У нее божественный звук... А еще он всюду таскал с собой несколько томов всяких индий-

ских книжек: «Бхагавадгиту», «Махабхарату», «Упанишады»... Это все, что я запомнила, – говорила Рита с нежностью поглаживая чашу по отполированному боку с замысловатым тонким узором, изображающим переплетенные буддийские символы, какие-то восточные цветы и парящих драконов.

– Эти книги включают в себя больше психоанализа, чем даже лекции Фрейда и Юнга. Не зря Шопенгауэр так интересовался «Упанишадами». Сам по себе психоанализ и появился у нас именно после того, как он перебросил мост от восточной философии к западной. Помнишь, как с ней обращаться?

Рита продолжила поглаживать чашу, унесясь мыслями куда-то в заоблачные дали, и не сразу услышала Грениха.

– Да, конечно, – вздрогнув, ответила она.

– Тогда начнешь по сигналу. Без удара, только круговые движения по краю пестом.

Грених велел ей вместе с Петей идти за ширму, сам стянул с постели Головина покрывало, расстелил его прямо посреди палаты на полу и попросил студента лечь.

– Что же вы будете со мной делать? – Голос пациента дрожал.

– Техника йогической медитации, Головин. Я вас не трону, вы сами все сделаете, я просто буду подсказывать.

– Нельзя ли все же каких-нибудь лекарств?

– Каких лекарств вы хотите?

– Морфия, что ли...

– Давайте начнем с простого. Ложитесь, представьте, что вы – морская звезда.

– Но, насколько я знаю, – мялся Головин, – во время медитации надо... с-сидеть.

– Сидеть вам еще рано. Но уверен, вы не только сидеть потом будете, но и левитировать. Ложитесь. Вам понравится. Это лучше морфия.

В течение получаса студент, по рукам и ногам которого поначалу напряжение гуляло электрическим током, лежал на полу. Под тонкий, проникающий в самые отдаленные участки мозга, звук тибетской чаши, которую завела Рита за ширмой, под тихое внушение Грениха, повелевающего отслеживать работу тела часть за частью, переносить внимание на процесс дыхания, концентрироваться то на тишине внутри себя, то на определенных точках тела, мысленно вызывая ощущения то холода, то жара, Головин смог расслабить все напряженные мышцы, успокоить дыхание, сердцебиение, в конце концов почти уснул.

Вставал он с покрывала совершенно другим человеком. Ему не хотелось говорить, он улыбался, погруженный в какие-то внутренние осознания, лишь спросил у уходящего профессора, сможет ли он сам повторить подобный опыт.

– Конечно! Вы можете это делать везде и всюду, лежа и стоя, на людях и наедине. Вы обладаете невероятным знанием – вы теперь умеете управлять своим телом и разумом. И все, что вам нужно – ваша голова.

Когда Грених покидал палату Головина, подошел надзиратель, сообщив, что Виктор Филиппович не стал пить предложенной водки, и ему вновь стало дурно, так что пришлось мыть полы в столовой прямо во время завтрака.

– Ничего, сегодня его будут мучить приступы – это постгипнотические явления, они проходящие. Завтра он поправится. Питание ему назначим диетическое.

– Зачем ты так его истязашь? – встряла Рита. – Почему с ним тоже не попробовал тибетскую чашу?

Грених качнул головой.

– Идем дальше. Нас ждет визит на выставку высокого искусства.

Спустились на первый этаж, вернулись к кладовым, где Рите несколькими часами ранее выдали старую форму сестры милосердия. Грених отпер одну из узких дверей и осветил карманым фонариком внутрь. Маленькая каморка шириной в метра полтора была заполнена

плоскими свертками прямоугольной формы. Грених отдал Рите фонарик, а сам взял один пакет и разорвал на нем бумагу.

– Это старания нашего хроника Якова Васильевича Синцова, – проговорил профессор, разворачивая картину лицом к Рите. На полотне было изображено разнообразие геометрических фигур, но со строгим соблюдением цветовой гаммы, так что сразу можно было понять, что это не абстракция, а вид из окна осенью на городской парк или садик, только какой-то чрезмерно угловатый и резкий. Рита сделала шаг назад, закрыла один глаз, потом другой, приблизилась, вновь отдалась, светя фонариком под разными углами.

– Меня один художник учил так смотреть на невразумительные произведения искусства. Нынче картины принято рисовать с ноткой сумасбродства и ахинеи. Очень модно!

– Это писал больной с нарушением зрительного восприятия. Одна из форм фотопсии из-за отслоения стекловидного тела. Он видит все вокруг таким, каким изображает на своих работах. Он уже несколько лет лечится у нас. Кладем на неделю-другую, потом отпускаем. Не буен, тих, смирен, склонен к эпилепсии, порой ему докучает мир, разбитый на углы и линии. Тогда Яков Васильевич теряет сон, аппетит и, если его не госпитализировать, может и погибнуть, столь же тихо, как и живет.

Рита в раздумьях склонила голову набок.

– И что ты от него хочешь?

– Хочу, чтобы он принял такое восприятие за норму, смирился с ней, делал иногда гимнастику для глаз и обрел радость жизни.

– То есть лечить ты его не собираешься?

– Это, увы, уже не лечится.

– А этим своим гипнозом?

– Гипноз не всевластен. Есть вещи, которые внушить невозможно. Если светлокожему, скажем, немцу, под гипнозом внушать, что он азиат, в китайца, к примеру, немец не превратится.

Грених развернул другую картину. Молча они любовались пестрыми мазками на холстах, Грених сверял даты, пристально вглядывался в изгибы и линии изображений, потом со словами: «Все ясно» – вышел из кладовой. На ходу он поймал за руку одну из медсестер.

– Я в кладовой Синцова немного похозяйничал. Будьте добры по датам его картины расставить.

– Да, Константин Федорович.

Якова Васильевича тоже спасали сеансом гипноза, на котором Рита пригодилась, чтобы подавать больному заранее приготовленные художественные принадлежности, когда тот во власти транса их попросит. Константин Федорович задался целью внушить вдохновение художнику, чтобы он настроился провести в лечебнице время за созданием своих шедевров. Обычно после плодотворной работы больному становилось легче. Прежде чем приступить, Грених долго расписывал Синцову – высокому, средних лет мужчине с согбенной спиной и втянутыми плечами, сколько всевозможных способов имеется, кроме больничной палаты и бесед с врачами, чтобы обрести радость жизни.

Рита участливо хлопотала вокруг него.

– Вы только не слушайте, Яков Васильевич, когда вам говорят, что солнце круглое. Может, и не круглое на самом деле, – ворковала она, укладывая пациента на кушетку, готовя его к сеансу, – а треугольное, как на той вашей картине, где пшеничное поле изгибается полусферой. Никто еще к Солнцу не летал и не знает наверняка, какое оно.

– Правда? – улыбнулся Синцов. А делал он это лишь в исключительных случаях.

– Еще какая! Самая что ни на есть. Вон только недавно открыли, что Земля не плоская. Так и форму Солнца скоро тоже откроют, правильную. Может, она сегодня круглая, завтра треугольная, послезавтра квадратная. Вот вы над всеми тогда посмеетесь.

Рита была счастлива видеть пример мягкого гипноза и постепенного выхода из него. Пробуждение Грених внушил Синцову в виде медленного счета от одного до десяти. Со словом «десять» Яков Васильевич проснулся умиротворенным и со множеством творческих идей в голове.

На десерт Грених оставил иностранца из одиночной палаты, Серджио Черрути – племянника чрезвычайного и полномочного посла Италии, приступившего к своим обязанностям этой зимой. После длительного лечения в Европе, не давшего никаких результатов, родственники решили принять помощь русских врачей в исследовательском институте, в котором профессора показывают удивительные чудеса науки, – о гипнотерапии неустанно писали в прессе и несколько статей успели просочиться за рубеж.

Одиночная палата Черрути располагалась сразу после буфета, дверь в нее была всегда закрыта. В карточке значилось: панические атаки перед открытым пространством. Кроме того, пациент страдал болезнью Брике с конверсивными реакциями и ипохондрией – он и часа не мог прожить без беседы с терапевтом, поскольку беспрестанно находил у себя несовместимые с жизнью симптомы: то его мучило сердце, то он не мог дышать, то вдруг хрипел. И каждый раз был уверен, что смертельно болен. Причем весьма настаивал болезнь эту поскорее открыть и изучить, чтобы можно было сыскать должное, по его мнению, лечение. Равнодушные доктора не торопились ему помочь, приходилось самому изучать свои многочисленные случаи.

Палата его была сплошь завалена итальянскими медицинскими книгами, с которыми пациент не расставался ни на миг, листами бумаги и блокнотами, испещренными записями. Исписаны были все стены, одеяла и подушки больного. За постельные принадлежности, которые больной отдавал с неохотой, поскольку те хранили отпечатки его мыслеформ, всегда велись нешуточные бои, в которых порой приходилось участвовать самому Довбне. Больной не единожды пытался заклеивать стекла в окнах листами, вырванными из блокнотов, пользуясь в качестве клея больничным супом. Невзирая на буйные протесты со стороны пациента, медсестры всякий раз их отдирали. Двери и окна его никогда специально не запирали, ибо он больше всего на свете боялся выйти наружу. Гипнозу итальянец поддавался легко, быстро впал в транс по щелчку пальцев, благодаря тому что в Европе по отношению к нему уже не раз применялись похожие техники. Но лечить его было невозможно – Грених не говорил по-итальянски.

Теперь же у него была Рита. Он решил не просто воспользоваться ее услугами переводчика, но собирался возложить на ее хрупкие плечи весь процесс гипноза, да еще и привнести в гипнотический сон частицу реальности.

– Сейчас открою, зачем на самом деле позвал тебя, – сказал он Рите, прежде чем войти к пациенту. – Для моего опыта не хватает хорошенькой женщины, знающей итальянский.

Рита удивленно вскинула брови.

– У тебя есть шанс спасти ему жизнь. примени все свои актерские таланты.

Итальянец был юн и весьма симпатичен, подбородок выбрит, над губой легла тонкая полоска усиков. Рите он сразу понравился, и ей не потребовалось играть через силу. Сделав вид, что занят приготовлениями, Грених попросил свою ассистентку занять Черрути беседой. Тот, узнав, что хоть кто-то здесь говорит на его родном языке, обрадовался и стал расспрашивать Риту про ее жизнь в Риме.

Во время сеанса в комнате находились только она и Грених, Петя притаился с блокнотом за спинкой койки на полу. Когда его присутствие было лишним, он, с разрешения Грениха, прятался и весь сеанс судорожно конспектировал.

Гипнозом управляла Рита, а Константин Федорович руководил, шептал ей на ухо слова, она переводила их вслух замогильным, утробным голосом. Иногда Грениху приходилось просить ее сбавить чрезмерную торжественность речей и говорить проще. Сначала он повелел Рите живописать московские улицы, чтобы итальянец мог представить себе оживленное дви-

жение и не пугаться при этом. Рита томно шептала ему о том, как он бредет от Арбата в сторону Денежного переулка, где располагалось песочного цвета с колоннами здание итальянского посольства, разглядывает старые городские усадьбы, лица прохожих, слушает звуки проезжающих мимо трамваев, извозчиков, отголоски бесед, бредет Александровским садом, поднимает голову к куполам церкви Бориса и Глеба, гуляет по набережным, двигается к Никитскому бульвару, идет на Смоленскую площадь, а там заходит в одну из небольших новых кондитерских на углу. Потом Грених велел пригласить пациента в кафе. Рита послушно перевела просьбу присесть за столики.

Тут внезапно Константин Федорович схватил ее за локоть.

– Сейчас принесут твоё платье. Ты должна будешь переодеться.

– Прямо здесь? – едва не вскричала Рита, тотчас в испуге глянув на пациента, распластавшегося на больничной койке. Грених накрыл ей рот ладонью.

– Никаких слов не по сценарию, – прошипел он, больно сжав ей лицо. – Мы настроили на твой голос его очаг возбуждения...

– Сторожевой пункт мозга, – подал Петя голос из-за спинки кровати.

– Вы – его гипнотизер, – Грених едва не пригвоздил Риту взглядом к стене. – Он вас только и слышит!

Рита не сразу поняла, почему порой, чтобы отдать приказ Пете, который молчаливой тенью следовал за профессором, он пользуется условными жестами или говорит шепотом.

Грених отпустил ее лицо, Рита с посиневшими от тревоги губами, с малиновым румянцем на щеках принялась расправляться с форменной одеждой сестры милосердия прямо в палате. Явившаяся медсестра с перекинутым через локоть платьем Риты помогла ей выполнить распоряжение профессора. Потом зашел надзиратель. Вместе с Петей они приподняли больного и вынесли в коридор. На шум и движения пациент не реагировал. Грених замыкал процессию, на ходу ему подали плащ, он выдернул руки из рукавов медицинского халата и оставил его небрежно висеть на перилах лестницы.

Черрути на носилках спустили во двор, поместили в фырчащий, заведенный санитарный автомобиль с красным крестом на дверцах и вместительным кузовом, который спроектировал русский врач Климов еще в царское время. Грених, надзиратель, Петя и Рита уселись в кузове напротив пациента, шофер тронулся с места.

Риту терзали недоумение и вопросы. Впившись пальцами в сиденье, она переводила растерянный взгляд с серьезных лиц Пети и Грениха на спящего итальянца. Проехали не больше двух километров, остановились на Смоленской площади у бывшей пивной Жильцова, где на самом углу были выставлены на улицу плетеные столики. Молча надзиратель и Петя вынесли спящего из экипажа. В карете остались только Рита и Грених.

– Мы инсценируем встречу его и твою за одним из столиков кафетерия, – Константин Федорович наклонился к ней. Рита, которую события завертели таким вихрем, что она позабыла обо всем на свете, еще не совсем понимала, что к чему. – Продолжи беседу, начни с того, на чем остановились перед гипнозом. Кажется, ты рассказывала о Ривьере и Лигурийском море. Некоторое время я буду с вами, потом уйду. Вернусь минут через десять – для первого раза достанет с него короткого свидания с реальностью. Буду подходить к нему со спины и вновь погружу в сон. Когда заметишь меня, не поворачивай головы, не смотри в упор, не меняйся в лице, не показывай удивления или других эмоций, иначе он обернется, увидит меня... Если он узнает, что мы вытащили его на улицу в бессознательном состоянии, подаст в суд, и меня упекут за решетку, а заодно и весь штат нашего исследовательского центра вместе с Евгением Николаевичем. Лечебницу полностью передадут ОГПУ.

– А если он примется орать?

– Тогда погрузим его обратно в сон.

Рита неуверенно и боязливо кивнула.

Больного усадили за столик, она села напротив, профессор остался стоять. Помощники удалились, прежде попросив немногочисленную публику кафетерия не мешать человеку, который «хватил лишку», своим чрезмерным вниманием. Санитарная машина отъехала. Грених подождал, пока не перестанут глазеть на них, и, дав знак Рите быть готовой, щелкнул пальцами у висков итальянца два раза, громко произнес по-итальянски: «Проснитесь!»

Тот вскинул голову.

– Рад вас видеть, Черрути, – непринужденно сказал Константин Федорович на ужасном ломаном итальянском: фразу Рита написала ему на бумажке, и он ее долгих минут пять заучивал.

Больной не сразу понял, почему сидит на улице, но удивление на его лице было невелико, поскольку Рита хорошо постаралась и внесла в описание окрестностей довольно деталей, чтобы, когда Черрути очнулся, он ощутил себя в месте вполне знакомом.

Он спросил, как здесь оказался, и невольно улыбнулся, увидев перед собой Риту в ее очаровательном белом платье с рукавами-крылышками. Она подхватила инициативу, стала стрекотать по-итальянски, доверительно переходила на шепот, касалась руки пациента, наклонялась к нему, за какую-то минуту полностью завладев его вниманием. Чертовка! И чего удивляться и бледнеть от ужаса при виде того, как кто-то пользуется набором психологических уловок, делая это так умело и не проявляя при этом никакой неловкости. Похоже, Рита просто не осознавала того, что делала. Манипуляторство было у нее в крови, в подсознании. Она была точно птица, которая умела летать, совершенно ничего не смыслив в аэродинамике.

Притаившийся неподалеку Грених наблюдал за их беседой. Часы дрожали в его пальцах, десять минут казались вечностью, а меж тем пациент был полностью во власти очарования Риты, отвечал, улыбался, выпил кофе, вынесенный официанткой в белой форменной шапочке, хотя Грених предупреждал не давать ему ничего.

Усыпил Константин Федорович его двумя громкими щелчками у висков и резким возгласом: «Усните!» тоже по-итальянски.

Лицо Риты перекошилось от негодования.

– Ты явился слишком быстро, – бросила она. И принялась гладить разметавшиеся по столу волосы итальянца. – Он ведь больно ударился.

– А я, кажется, просил ничем не поить пациента. После кофе о каком гипнозе может идти речь!

Тут же подбежали Петя с надзирателем, под изумленными взглядами публики они подхватили больного и понесли в сторону санитарного автомобиля. Грениху пришлось задержаться, пока не явилась официантка, которой заранее все было объяснено и уплачено за участие. Девушка принесла извинения гостям, отчаянно отвлекала внимание тех, кто пришел в особенное удивление и принялся вскакивать и что-то кричать Грениху вслед. Но профессор уже ретировался.

– Мне одно непонятно, – шепотом проговорила Рита, когда все благополучно расселись в кузове санитарной машины, а шофер завел мотор. – Как вам удастся одним словом «Проснитесь!» и «Усните!» переключать людей из состояния бодрствования в сон и обратно? Подойди ко мне кто сзади, щелкнув у висков пальцами и гаркнув в затылок это ужасное «Усните!», я просто залепила бы ему оплеуху.

Грених улыбнулся, придав своему лицу наигранную загадочность.

– Ну, скажи, Костя! – не выдержала Рита.

Вместо ответа Константин Федорович сначала указал на сопящего Черрути, на лице коего было запечатлено выражение блаженства, что говорило о возможном положительном эффекте от проделанной работы, потом провел указательным и большим пальцами по своим губам, изобразив автоматическую, непрерывную застежку-молнию. Сейчас лучше ей никаких

слов не произносить – все они будут услышаны пациентом, отпечатаются в подсознании и принесут нарушения в мышление, с таким большим трудом перешитое.

Рита отправила Грениху гневный взгляд. Но к ней повернулся Петя и тихим шепотом принялся объяснять, что такое раппорт, какими техниками прежде Грених пытался ввести итальянца в гипноз, чего достиг в своих попытках вводить его в транс – пациент отключался моментально. Рассказал и том, что внушенное гипнотик воспринимает как сновидения, что при гипнозе происходит понижение чувствительности и что гипноз и сон вообще очень похожи.

– Только вот «усните» и «проснитесь» – это все, что мы знали по-итальянски, – словоохотливо объяснял Петя, низко нагнувшись к уху изумленной Риты. – У нас, конечно, есть словарики. Но надобно было что? Чтобы кто-то красиво улицы наши московские описал, чтобы ему было понятно и непременно захотелось по ним прогуляться. Заинтересовать его.

– Господи, Костя, ты какое-то невозможное чудовище! – совершенно искренне возмутилась Рита.

Константин Федорович пригрозил ей кулаком.

К вечеру он проводил уставшую и потрясенную артистку в Денисовский переулок. Едва Рита переступила порог своей квартирki, как вылила на Грениха ушат негодования и ярости. Она бросалась из стороны в сторону и вскрикивала, мол, с чего тот взял, что она готова к такой работе, Макс никогда ничего подобного не делал, а Константин Федорович – исчадие ада, и так с людьми обращаться – форменное насилие.

– Боже, как голова болит, – выдохнула она, откинувшись спиной на стену и закрыв лицо руками.

Грених подошел, положил одну ладонь ей на подбородок, другой подпер затылок, слегка надавил, так что шея Риты мгновенно выпрямилась.

– Так голову держи, и она болеть не будет, – сказал Константин Федорович, потом взял ее руки, расположил поверх головы, большие пальцы умастил в ложбинках под основанием черепа. – Дави большими пальцами – сильно, так чтобы ощутить легкую боль в центре черепа. Чувствуешь?

Рита ахнула, выпрямившись, послушно выполняя указания Грениха.

– Лицо расслабь.

Она закрыла глаза, несколько секунд плывя по приятным волнам облегчения. Боль отступила мгновенно, упражнение всегда действовало безотказно. Грених хотел было уйти, отшагнул к двери, пока она стояла с занесенными к волосам руками, но она тут же очнулась, схватила его за локоть.

– Нет, останься. Я одна не усну после всего того, что пришлось видеть. Мне будет сниться этот Черрути и... все остальные. Как ты вообще спишь после такой работы?

И Грених остался.

Бывшая балерина оказалась до того вовлеченной в процесс гипнотерапии, что вернулась к службе медсестрой в институт Сербского и на второй день, и на третий. Всю неделю до следующего воскресенья они провели на Пречистенке. В среду пришлось повторить сеанс гипноза с элементом реальности для итальянца. Рита дрожала от волнения, но опять справилась блестяще. К пятому сеансу итальянец сознался, что постоянно видит один и тот же сон – себя и медсестру Риту за столиком в кофе на оживленной площади. Он стал описывать вывески, здания вокруг, грохочущие трамваи, Рита сказала, что тот, кажется, рассказывает про Смоленскую площадь, предложила съездить и проверить, так ли это на самом деле. После долгих уговоров пациент согласился проехаться на санитарном автомобиле.

Выглядывая в окошко, молодой человек беспрестанно изумлялся знакомым зданиям и улицам. Никогда прежде он не видел города, и в вагонах, и в машинах забивался в угол, зажмурившись, закрывал руками уши, чтобы свести на нет контакт с внешним миром.

А когда прибыл к кафетерию, глазам своим не поверил: все вокруг было им не единожды виденным. Более того, он помнил вкус кофе, запах булочек и ощущение прикосновений к плетеной мебели на своих ладонях. Рита предложила выйти, выпить по чашке кофе и угоститься свежими ватрушками – проверить, такие ли они вкусные на самом деле. Мысль о том, чтобы проверить ощущения во снах и наяву, столь сильно мучила больного, что он согласился.

– Я боюсь, что в конце концов он влюбится в меня, – принялась переживать Рита.

После трудного рабочего дня профессор и его помощница, усталые и воодушевленные, возвращались в квартиру в Денисовском переулке и, лежа в постели, подолгу не спали, обнявшись, бойко обсуждали общее дело.

– Ничего подобного не случится, – успокоил ее Грених. – Мы трудимся во имя того, чтобы он влюбился в мир. Ты и я – лишь пара крохотных деталей большого мира, с которым ему предстоит свести знакомство. Оно займет его всецело, захватит все его внимание. Так что на тебя ему просто не хватит времени. Наша роль в его жизни – закулисная. Сделав свое дело, мы тихо удаляемся со сцены...

– А потом... Что будет с ним потом? Все это так и останется для него тайной?

– Было бы лучше, если бы это осталось для него тайной, – задумчиво сказал Грених. – Прежде чем больной не начнет выказывать признаки здравомыслия, он не должен знать, какого труда нам стоит перешивать ему сознательное и бессознательное. Иначе перестанет верить в свое выздоровление. А возводимые нами замки превратятся в руины.

И он поднял глаза на Риту.

– Макс был прав. Его теория работает. Он – идейный вдохновитель постановочных сцен, только одному ему я обязан успехом, которого достиг за эти неполные два года. За последние две недели мы выписали семерых больных раньше срока. И это его заслуга, Рита. Где бы он ни был... Слияние науки и мастерства иллюзий! И я мечтаю продолжить это дело, обзавестись крепкой командой. Ты и я. Мы возьмем к себе Петю. У него феноменальная память и аналитические способности.

– Я не знала, что ты так горишь его делом, – проронила Рита тихо. – Все это время я думала, что ты ненавидишь нас.

– Давно уже нет.

– И ты бы взял его в эту свою команду? Принял обратно? – она села в постели, скрестив ноги по-турецки.

Грених думал, она признается, что *он* все же где-то поблизости, прячется. Но Рита молчала, смотрела с детской наивностью в ожидании ответа на свой вопрос.

– Чтобы осуществлять подобные спектакли, нужны преданные делу люди, – сказал Грених. – Персонал института безропотен и послушен, но, увы, они не до конца понимают, в чем суть подобных сеансов, я не чувствую их поддержки. Они как машины, всего лишь исполнители, которым Евгений Николаевич велел проявлять послушание в работе со мной. А мне нужны ты, он и подобные вам – чуть безумные, смелые, готовые на риск, не скованные шаблонностью мышления простых обывателей. Свободные личности, которые могут творить любую реальность. Какую угодно реальность в любой голове.

– Ты стал говорить, как он. В тебя вселился его дух!

Грених перевернулся с бока на спину, заложив руки за голову и устремив глаза в потолок. Он показал ей уже столько фокусов в гипнотерапии, но она продолжала играть изумленную дурочку, беспрестанно повторяя, что Макс такого не делал, Макс до этого не додумался. Грених ни на секунду не верил ей, всецело убежденный, что Макс где-то притаился и наблюдает за ними. А Рита, как настоящая Мата Хари, лежа голый под одной простыней с его братом, выжидает новых приказов к действию. «Что же ты задумал, подослав ее ко мне?.. А может, я просто параноик? А может, я тебя давно переплюнул? А может, просто начать жизнь без вечногo взгляда в прошлое?»

Глава 5. Второй «последний день Помпеи»

– Ну-ка, все расступились! Опять толкотню создаете, – рыкнул старший следователь Мезенцев на столпившихся у парадной дома № 2А в Трехпрудном переулке. Зло растолкав локтями толпу, собравшуюся под проливным июньским дождем, он смахнул со лба мокрую прядь и нырнул в уже знакомую парадную дверь, стиснутую треугольным портиком сверху и двумя полуколоннами по бокам. В той же квартире при тех же обстоятельствах найдены были теперь уже трое – двое убитых и один в совершеннейшем беспамятстве, пускающий слюну и едва передвигающий ноги.

– Та же угольная пена, двое неизвестных, накрытый стол, записка с начертанным на ней: «Вызвать милицию ровно в 16:00», – ворчал Сергей Устинович, бросая за плечо – шедшему позади Грениху в сопровождении его неизменного Ватсона – Пети. – Опять опоенный, заговоренный тем же самым незнакомцем Шкловский хлопает глазами и трясется.

– Что, прям тем же самым? – прицокнул языком Грених, чувствуя, что история с таинственным манипулятором еще выйдет ему боком.

– Говорит, да. Вот что мне мешало приставить кого-нибудь следить за его квартирой? Ведь чувствовал – дело какое-то грязное, заковыристое, задумано явно человеком недюжинного ума. Расслабились мы после смерти Ленки Пантелеева! Да и гипноз этот ваш ничего не дает, только путает карты. Почему вы, Константин Федорович, до сих пор не выяснили, как Шкловского загипнотизировали? Мы его ни арестовать не можем, ни отпустить совсем.

Грених молчал. Три беседы с ним прошли даром.

Они вошли в квартиру с по-прежнему задернутыми вишневого цвета шторами. За тем же столом, в той же позе восседала первая черная кучка, стекающая со стола на стул, а следом на пол. Эмбрионом у его ног свернулась вторая.

– Это похоже на какое-то послание, – в задумчивости проговорил Петя, почесав подбородок.

– Одинаково их расположил, – отозвался стажер Фролов, сдвигая кепку на затылок. – В этом что-то есть... что-то есть... такое, что понять под силу только Шерлоку Холмсу.

– На точку с запятой – вот на что похоже! – вскинул в воздух карандаш Петя. – То есть это может значить знак вопроса. В церковнославянском, например, так. И в греческом. Я учил! Думаю, убийца вопрошает о чем-то.

– Отставить, Воробьев! – махнул рукой Мезенцев. – Пройти по проторенной дороге, сотворить преступление по беспроигрышной схеме – вот что это означает.

И, обернувшись, бросил разраженный, злой взгляд на Шкловского.

Тот восседал на табурете у двери, его уже не трясло с той интенсивностью, что в первый раз. Он грустно, со смирением приговоренного к смерти уставился в пол, стиснутые пальцы на коленях чуть трепетали.

На диване, поддерживаемый двумя участковыми милиционерами, сидел страшно худой, с трупного цвета и заросшим щетиной лицом, бритоголовый человек, возраст которого невозможно было определить из-за истощенного вида. Ему могло быть как сорок, так и все восемьдесят. Дорогой костюм, в который он был одет, выглядел странно из-за скособоченной спины и втянутых внутрь плеч. Перед следственной командой Губсуда будто предстал очень неуклюжий вор, укравший этот костюм или выменявший его на Сухаревке. Он едва держался ровно, все время заваливался набок, милиционеру справа приходилось его не только поддерживать, но и постоянно встряхивать и усаживать, словно большую куклу, шитую из мешковины и набитую соломой.

– Сегодня ваш пациент – он, – обращаясь к Грениху, вскинул палец в сторону него Мезенцев. – Этому бомбисту уже пятьдесят – Анатолий Куколев, помните такого? Участник бое-

вой организации эсеров и «Похода на Плеве», та самая бомба, убившая министра внутренних дел, – его рук. Готовил покушение на Клейгельса, улизнул от полиции. Участвовал в Гражданской войне, был завербован ГПУ, но захотелось собственной славы. Орудовал года два назад в Ленинграде, был пойман, сбежал в Москву, шантажировал заведующего «Мосгико»...

– Был пойман, – Грених вспомнил это дело, которое закончилось тем, что Куколева удалось захватить, а его бомбу нейтрализовать.

– Но опять бежал. И вот он здесь! На руках ожоги от каких-то кислот, месяц им, не больше, равно как и предыдущему происшествию в этой квартире. Лыка не вяжет. Надо и его гипнотизировать, авось что удастся вытянуть.

Грених отставил от стола свободный стул, поднес его к дивану и сел напротив своего нового пациента.

Но установить хоть какую-то языковую связь с ним не удалось. Бомбист качался и мычал, как слабоумный, в речи проступали отдельные ничего не значащие и совершенно не связанные между собой слова вроде: «каша овсяная», «радиоприемник», «картина», «дверь» – будто поражены были атрофией лобные и височные доли.

Грених измерил его пульс, посветил фонариком в зрачки и поднялся.

– Невозможно что-либо сказать прямо сейчас. Это либо психогенный ступор такой, либо последняя стадия деменции, или вовсе он после неудачной операции на мозге, – Константин Федорович повертел во все стороны бритый череп бомбиста, отыскивая шрамы, но ничего не нашел. – Разбираться надо, Сергей Устинович. Сегодня этот свидетель вам ничего не сообщит.

Выйдя из квартиры, Грених дал указание Пете бежать в морг и ждать его там. А сам отправился к Асе. Она жила на Большой Пироговской, в невзрачном трехэтажном жилом доме, построенном лет тридцать назад, в комнатухе на последнем этаже, которую делила с двумя своими новыми подругами-студентками.

Грених постучал в дверь, не особенно надеясь увидеть Асю. Давно пора было ее навестить – не встречались с февраля, но Константин Федорович нарочно отодвигал время визита. А теперь появился весомый повод, грех не воспользоваться.

В ожидании, когда откроют, он уткнулся лбом в косяк, двумя пальцами сжал уставшие глаза. На улице все еще лило, плащ его намок, раскалывалась правая половина черепа, а в мыслях вертелась карусель: трупы в черной пене, таинственный гипнотизер с его голосом, трясущийся Шкловский, Мезенцев со зло сжатым ртом и дергающейся щекой.

Замок щелкнул, и высокая прямая и простая дверь из мореного дуба начала медленно открываться. Ася в своем чесучовом безразмерном плаще, с неизменной синей косынкой, повязанной сзади, из-под которой через плечо была перекинута тяжелая коса пшеничного цвета, возникла на пороге. Ее плечи и голова были мокрыми – видно, только пришла и еще не успела раздеться.

– Ася, здравствуйте, – проронил Грених, кашлянув. – Как поживаете?

– Спасибо, Константин Федорович, учусь, вот прямо из университета, и вы сразу, – тихо и невнятно ответила она, вспыхнув до корней волос.

– Ася, у меня к вам дело есть большой важности. Нужно будет прогуляться.

– Я готова! Мне и одеваться не нужно, – она вытянулась по стойке «Смирно!», тотчас подобрав с пола раскрытый зонтик из кружева небесно-голубого цвета на деревянной ручке, не предназначенный для дождливой погоды – понятно почему косынка промокла, улыбнулся про себя Грених.

– Вы могли бы пройти в университетскую лабораторию – провести один нехитрый опыт?

– А что для него понадобится?

– Да две вещи всего – сахар и серная кислота.

Брови ее взметнулись домиком, взгляд переместился с лица Грениха куда-то вдаль: она соображала, где взять ингредиенты.

– Серной кислоты у нас теперь целая бутылка на кафедре, а вот сахар... сахарная голова подойдет?

– Подойдет, если у вас в лаборатории ступа найдется. Много не нужно, горсти будет достаточно.

Она исчезла в длинном, темном коридоре, уводящем к жилым комнатам, наполненном, как, впрочем, и везде, каким-то заплесневелым хламом, и через минуту вернулась, держа в ладонях неровный блестящий белый камень.

Дождь лил со всевозрастающей силой. С Большой Пироговской до Малой было минут десять быстрой ходьбы. В час, близкий к вечернему, в университете почти никого не осталось, только на входе прохаживался, разминая колени, сторож и два студента нависли над учебником прямо на крыльце, видно, разбирали какую-то головоломную экзаменационную задачу. Ася кивнула сторожу, и они с Гренихом, промокшие до нитки – кружевной зонт оказался совершенно не способным удержать крупные струи воды, льющиеся с неба, – прошмыгнули в круглый вестибюль, взлетели по большой парадной лестнице на второй этаж и, дойдя до самого конца коридора, зашли в небольшую продолговатую комнату, окнами выходящую на здание Анатомического театра.

Аудитория была густо заставлена лабораторными столами, стоящими стройными рядами и оснащенными разделительной полкой со множеством банок, баночек, реторт, пробирок и цилиндров. С боку каждого стола выдавалась полукруглая раковина. С потолка свисали тарелкообразные светильники. На посеребривших стенах с потеками и с облупившейся известкой висели таблица Менделеева и портреты ученых-химиков. От двери до самой дальней стены стояли шкафы с матовым стеклом в дверцах.

Ася стянула с себя мокрый плащ, аккуратно развесила его на спинке стула у входа, там же оставила раскрытый зонтик, развязала тугой узел косынки. Легкое светлое платье в цветочек так было ей к лицу. Грених видел, как чуть дрожали ее губы – от смятения или от прохлады. Распустив мокрую косу, она запустила пальцы под корни волос, пытаясь их просушить. Золотистыми змейками заструились тяжелые пряди по плечам и спине, делая ее похожей на «Венеру» Боттичелли. Но увы, Ася быстро обнаружила, что за ней исподтишка наблюдают, тут же собрала волосы в узел на затылке и поспешила к шкафу. Отворила дверцу, замерла на минуту, собираясь с мыслями, а потом вынула бутылку со стеклянной пробкой и заводской этикеткой «H₂SO₄».

– Самая отборная, лучшая, ядерная серная кислота, – с напускным довольством, чтобы скрыть смущение, объявила она, ставя ее на край одного из столов. Наклонилась над своим плащом и вынула из кармана кусок сахара. – А то в прошлый раз очень слабенькая была. Разбавленная. На заводе брак выпустили.

– Разбавленная? Сильно? – заинтересовался Грених.

– Очень, почти вода, едва-едва в ней можно было различить маслянистые оттенки. И совсем ни с чем не вступала в реакцию, – Ася суетливо и по-хозяйски собрала перед собой ступку с пестиком, стаканчик со стеклянной лопаточкой. – Не думаю, что даже разбавленная. Потому что серную кислоту разбавить водой непросто, она быстро растворяется, но нагревает баллон до ста градусов Цельсия и пара едкого выдает целое облако. Важно наливать кислоту в воду, ни в коем случае не наоборот – вскипает. Наверное, просто перепутали. Сейчас, говорят, много крестьян берут на заводы, те же совсем в другом мастера – сеять, косить. И пока освоишь новую профессию, столько раз ошибешься.

Грених улыбнулся про себя. Мезенцеву будет чем заняться – кажется, нашлась и пропаша серной кислоты.

– Опыт, что вы просите показать, – продолжала студентка, интенсивно отстукивая по куску сахара пестиком, – называется дегидратацией углеводов. Серная кислота отнимает у сахара воду, превращаясь в черную пену, страшную, как черт в аду. Это вы из газеты уви-

дели, да, как тот мститель фининспектора нечестного и какого-то вора убил? Мы с девочками думали, что наверняка с нашего отделения этот Зорро, потому что произошло это спустя неделю, если не меньше, как мы проходили реакции дегидратации.

– А к вам вольные слушатели ходят на опыты?

– Ходят, но всех почти знаем давно, поэтому очень трудно сказать, кто мог бы такое сделать. Говорят же, в тихом омуте черти водятся. Кто-то ведь сделал! Увидел потрясающую реакцию и непременно пожелал поиграться.

Наконец сахар был превращен в пудру, Грених поинтересовался, будет ли Ася его растворять до состояния жидкой карамели, на что та ответила с ученым видом: можно гомогенизировать, но не обязательно. Она насыпала в стакан половину, граммов этак пятьдесят, и натянула на руки огромные резиновые перчатки. Нахмурилась, призадумавшись, придвинула стул, поднялась на него и, очень осторожно держа, будто дитя, наклонила бутылку, оставив край на столе и налив небольшое количество кислоты на сахар – совсем немного, треть стопочки на вид. Грених, наблюдая за ее уверенными действиями, не успел даже взволноваться, что хрупкая девушка не справится с таким тяжелым предметом. А ведь внутри бутылки было одно из самых токсичных веществ на планете! Он было подался ей на помощь, но Ася уже закупирила емкость стеклянной пробкой и, легонько соскочив со стула, отодвинула кислоту к полке с ретортами.

Белая поверхность сахара быстро стала коричневеть, но дна стакана серная кислота не достигла. Ася взяла лопаточку и, отойдя на шаг, вытянув руку, чтобы не брызнуло, аккуратно размешала.

– Ну все, ждем, – улыбнулась она. Минуты через две кислота пропитала сахар, превратив его в жидкую черную массу, еще через две минуты вещество медленно начало расти, испускать газ со знакомым, но из-за малого количества, едва уловимым запахом. Оно поднялось, в нем образовались рваные поры, как в черной вулканической пемзе, и, наконец, затвердело.

В течение нескольких минут оба стояли молча, наблюдая медленный процесс выплзания большого пористого червя из стакана.

– Получается, нужно некоторое время, чтобы получилась эта пена, – хриплым голосом нарушил Грених тишину. – А по детству опыт казался очень скорым, почти моментальным.

Ася не ответила, губы ее дрогнули в отсутствующей улыбке, глаза неподвижно застыли при взгляде на черного шевелящегося и потрескивающего монстра в стакане. Грених мог поклясться, что она не видела ничего, а провалилась в какие-то глубины своих раздумий.

– Значит, – продолжил он, – можно было растворить эту гадость в ведре, вылить на размещенные за столом и на полу тела, а потом наблюдать их обугливание?

– Да, – Ася медленно перевела взгляд с пустоты на его лицо, – и если сахара было больше, то и ждать, соответственно, тоже пришлось дольше. И, разумеется... защитный костюм бы не помешал, или хотя бы перчатки – все-таки вещество едкое.

– А костюмов у вас не пропадало?

– Нет, – отодвинув стакан и ступку с остатками сахара в сторону, она сняла перчатки, сложила их вместе.

Грених стоял рядом, опираясь о стол рукой, Ася положила на нее свою ладонь. Он вздохнул, прикрыв глаза, рука сама перевернулась и сжала пальцы девушки. На фоне серого окна с дождливым небом ее вырисовывавшийся идеальной линией профиль с тугим мокрым узлом на затылке заставил сердце сжаться.

– Мы с вами не виделись почти четыре месяца, Константин Федорович, – тихо произнесла она. – Так и будете меня избегать?

Наивный. Почему такой старый и все еще такой наивный, полагал, что, найдя отвлеченный способ повидаться, он избежит вопросов девушки?

– Вы говорили тогда, что если мы не протянем друг другу рук, то погибнем! Что мы друг у друга – все, что у нас есть. А теперь что? Привезли меня сюда, устроили и Пете продать пытаетесь!

– Ну, Ася, ну зачем же резко-то так? – опять вздохнул Грених. – Продать! Тоже мне, слово-то какое. Петя любит вас без памяти.

– А я – вас, – она смотрела с вызовом, выпятив упрямый подбородок. – Что с этим делать будем?

Грених на несколько секунд прикрыл веки.

– Я слишком стар, Ася, пройдет десяток лет, и я превращусь в дряблого, больного, немощного ворчуна. Зачем вам такое? Вы молоды, здоровы, вокруг столько хороших людей, вы полюбите по-настоящему кого-то еще, достойного вас.

– Кого-то еще? Вы, правда, думаете, что возможно полюбить кого-то еще? Любят только один раз! Один! Может быть, я хочу не дать вам стареть в одиночестве, может быть, хочу стареть вместе с вами, может быть...

– Вы еще очень юны и мыслите максималистично, это пройдет, – оборвал ее Грених.

– А вы!.. – она вырвала руку и сжала кулаки. – А вы мыслите старорежимными категориями!

И, швырнув перчатки со стола на пол, подхватила плащ, косынку, выскочила в двери, оставив Грениху свой небесно-голубой кружевной зонтик, который уже чуть подсох. И он знал, Ася сделала это нарочно, чтобы он не промок под дождем, когда будет возвращаться из университета. Что за упрямый ребенок!

Тотчас из-за туч выплянуло закатное солнце, осветив лабораторию теплым персиково-золотым сиянием, радостно засверкав в многочисленных банках и пузатых колбах. Только радости на душе Константина Федоровича не было. В глазах потемнело от злости на самого себя, он чуть было не смахнул со стола бутылки все разом. Занес было с рычанием руку, но удержался. Не хватало довести дело до порчи университетского имущества! Потом собрал растрепанную волю в кулак, выгреб из стакана черную пену, вытряс ее в раковину, сполоснул стакан и лопаточку, смыл остатки распавшегося на куски вещества водой, наблюдая, как воронка уносит их в темноту трубы. И, подобрав с пола зонтик, вышел. Отнес к ней на квартиру и оставил у порога – кто-нибудь передаст.

В морге ждали еще два тела, нужно было установить личность жертв.

Глава 6. Гостеатр Всеволода Мейерхольда

Тела, найденные в квартире в Трехпрудном переулке, принадлежали заведующему и секретарю Закаспийского общества взаимного кредита, оказавшегося самой настоящей крупномасштабной всесоюзного значения фальсификацией. Такой сенсации советская пресса еще не знала. По всем бумагам и даже фотографиям в пустыне Каракумы стоял металлургический комбинат, только что отстроенный на капиталовложения кредиторов, уже приступивший к работе и обещавший колоссальные прибыли. О Закаспийском обществе было написано немало горячих статей, заведующий являлся членом партии, водил личное знакомство с Рыковым, имел богатый опыт в освоении туркестанских земель. Не всякий решался завоевывать пустыню – стихию опасную и неприступную. Его комбинату прочили большое будущее.

Только комбината никакого не существовало.

К его постройке даже не приступили, фотографии делали в студии с помощью комбинированных фотосъемок и монтажа. Общество основали два редкостных жулика. А изобразил обогатившихся за счет скудных средств обманутых советских граждан опять некий Зорро. Он сверкал во всех газетах геройской карикатурой в бархатной полумаске и развевающимся плаще, как у американской кинолегенды Дугласа Фербенкса.

– ...приобретший славу самого дона Диего Веги незнакомец нынче прославляем как крестьянами, рабочими, так и комсомолом. Он наносит удар прямо в сердце неприятелю советского народа, выжигает на телах врагов язвы серной кислотой, изничтожает их, как бы восклицая: «Будь же ты, посмевшийся поднять руку на меня и мой народ, погребен под пеплом справедливости!» – читал Петя развернутое издание газеты «Беднота», сидя с Гренихом и Ритой в жаркий июньский полдень за столиком кафе на Смоленской площади – там, где месяцем ранее была произведена серия сеансов гипноза с племянником посла Италии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.